

Гёран Терборн*

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НЕРАВЕНСТВО : проблемы концептуализации и объяснения**

1. Что такое глобализация?

Существуют три основных ответа на вопрос, вынесенный в заглавие этого раздела. Наиболее очевидный и простой: глобализация – это то, чем мы хотим ее видеть. Таков был бы последовательно номиналистский ответ, поскольку любой концепт – это инструмент, а не сущность. Тем не менее, возможность такого ответа наталкивается на два существенных ограничения, одно из которых связано с коммуникацией, а другое – с познанием. Во-первых, если вы хотите общаться с другими людьми, абсолютно оригинальное определение имеет небольшую ценность. Во-вторых, использование новых концептов должно быть оправдано тем, какой вклад они вносят в возможность познания. Концепт «глобализация» лучше всего указывает на то, что возникают некие новые явления.

Второй хороший ответ может состоять в том, чтобы соотнести концепт с текущими и актуальными дискурсами, и уже из них, возможно, вывести более частное определение. С конца 1980-х понятие «глобализация» встречается, по меньшей мере, в пяти существенно различающихся типах дискурсов.

Главный из них – экономический, относящийся к новым паттернам торговли, инвестиций, производства и предпринимательства. Второй, также очень распространенный, обычно выводится из первого: это социально-политический дискурс, сосредоточенный на уменьшении роли национального государства и связанного с ним типа общества. В третьих, глобализация рассматривается как центр социально-критического и протестного дискурса, как новая или современная форма проявления враждебных сил, враг социальной справедливости и культурных ценностей. Более специализированы, но также весьма влиятельны два остальных дискурса. Один из них – культурологический, относящийся к антропологии и исследованиям культуры, в котором глобализация рассматривается как ряд культурных потоков, столкновений разных культур и культурная гибридизация. Наконец, с точки зрения глобальной ответственности, глобализация – часть экологического дискурса и связана с заботой о состоянии окружающей среды на планете. Каждый из этих дискурсов имеет свою собственную динамику, очень мало, или практически никак не отражающую содержание других.

Третий ответ на вопрос «Что такое глобализация?» – рефлексивный, он подразумевает, что глобализация может осмысляться разными способами, и именно он, на мой взгляд, наиболее плодотворен для целей социального научного анализа по причинам, которые я изложу ниже.

Двигаясь в этом русле, мы можем предложить следующее определение. В качестве аналитического концепта социальной теории, термин «глобализация» должен отвечать трем критериям: он должен иметь точный смысл, желательно не спорный с точки зрения семантики; он должен быть пригоден для использования в эмпирических исследованиях; и он должен иметь широкое поле приложения. Третий критерий означает также, что концепт должен быть достаточно абстрактным, не отягощенным конкретным априорным содержанием. Я считаю, что, в соответствии с указанными критериями, плодотворным было

* Гёран Терборн – профессор социологии университета Уппласа, директор Шведского колледжа Новейших исследований в социальных науках.

© Тартаковская Ирина, 2004.

© Центр фундаментальной социологии, 2005.

** *Göran Therborn. Globalization and inequality: Issues of conceptualization and of Explanation // Social Welt. № 4. 2001.*

бы определение глобализации как термина, относящегося к тенденциям всемирного охвата, влияния или взаимосвязей между социальными феноменами, или, другими словами, к объемлющему мир осознанию (*world-encompassing awareness*) социальных акторов. Это определение близко к этимологии слова, оно делает этот концепт принципиально измеримой эмпирической переменной, наличие которой может быть установлено или опровергнуто. К тому же оно может описывать множество возможных конкретных паттернов глобализации, и не содержит априорного ответа на вопрос, хороша глобализация или плоха.

Но глобализация – это больше, чем концепт, это также аналитический, или, говоря обобщенно, дискурсивный фокус или перспектива. Как таковая она позволяет более масштабно осмыслить ту картину мира, которую наилучшим образом можно понять с помощью двух характеристик. Назовем первую из них *диапазоном свойств* (*dimensionality*). Она относится к тому, как воспринимается глобализация: как нечто всеобъемлющее, фундаментальное, изначальное – в экономическом, культурном или экологическом смысле, – или как нечто, несводимое к единому ядру, возможно, противоречивое в своей многосторонности. Другую же характеристику назовем *историчностью* (*historicity*). В этом аспекте глобализация рассматривается как движущая сила, осуществляющая фундаментальный перелом в современной истории человечества, или же, напротив, осмысливается или как новый этап более давнего исторического феномена, или как современное проявление вечных процессов социальных изменений.

Таблица 1. Представления о глобализации

<i>Историчность</i>	<i>Диапазон характеристик</i>	
	Одномерность	Многомерность
Уникальность	1. Экономисты/культурологи - сторонники «теории перелома» (<i>rupturalists</i>)	2. Социологи - сторонники «теории перелома»
Циклическое повторение	3. Историки-экономисты	4. Историки-социологи

Примечание: эта схема была создана под впечатлением от идеи, высказанной Джоном Голдторпом в октябре 2000 г. на нашем семинаре «Глобальные процессы и неравенство».

Из этих четырех основных позиций относительно глобализации наиболее многообещающей с когнитивной точки зрения является четвертая. Присущий ей исторический подход позволяет делать плодотворные исторические сравнения, наиболее убедительное из которых – сравнение с глобализационной волной, длившейся со второй половины XIX столетия до Второй мировой войны, но можно говорить и о более ранних этапах, начиная с возникновения «мировых регионов», завоевания обеих Америк, и далее. Насколько переломной является современная волна глобализации – это, скорее, и поныне остающийся открытым эмпирический вопрос, чем ее априори подразумеваемое свойство. Справедливо указывалось, что сложность и осторожность не всегда являются научными добродетелями – иногда они не позволяют за деревьями увидеть леса, – но свести глобализацию лишь к одной категории феноменов, означает упустить из виду осуществление различных противоречивых глобальных процессов, таких как капитализм, культура, нормотворчество (права человека).

Если представить глобализацию в качестве переменной, она может объединить в себе бесконечное число аспектов социальной жизни. Они могут варьировать по ширине охвата – от процессов, в которые вовлечены несколько континентов, до планетарных, обладая при этом различной динамикой. Одним словом, этот концепт объемлет множество социальных

процессов, и само обозначающее его слово поэтому лучше употреблять во множественном числе – глобализации.

Многомерность глобализации может быть проиллюстрирована с помощью набора ключевых социальных переменных, который я нашел уместным использовать в качестве показателя систематичности сравнительного социального анализа (напр., Therborn 1995). В этом смысле, глобализация может подразумевать:

- процессы социального структурирования, например, разделение труда, наделение правами, распределение богатства и доходов, меняющиеся со временем допустимые паттерны рисков и возможностей;

- она может также включать в себя процессы распространения культуры (enculturation), формирования идентичностей, определения и распределения знаний, утверждения ценностей и нормативных институтов, конструирования и восприятия символических форм.

- глобализация может охватывать социальные действия, однонаправленные или взаимные, индивидуальные или коллективные, согласованные или конфликтные.

Динамика глобализаций также может быть представлена как:

- интерактивная или систематическая, направляемая внешне или внутренне мотивированными акторами, либо совместно теми и другими (развитие этого тезиса см. в: Therborn 2000a).

Как бы то ни было, для того, чтобы понять причинно-следственное воздействие глобализации, нам нужно определить ее место в совокупности глобальных или транснациональных процессов. Для того чтобы объяснить мировое неравенство, нам надо обратить внимание, по меньшей мере, на три категории таких процессов. Во-первых, это формирование самих акторов и условий их существования в контексте прошлой транснациональной истории; во-вторых, современные потоки торговли, капитала, людей и информации; и, наконец, в-третьих, свойственное сегодняшнему дню тесное переплетение, или взаимоналожение, локальных и глобальных акторов и институтов. Более подробно об этих категориях глобальных процессов будет сказано ниже.

Современные глобализации не являются исторически уникальными, за исключением того тривиального смысла, в котором каждое событие может быть названо уникальным. Что же касается тенденций к глобальному охвату или влиянию, то, на мой взгляд, мы можем выделить, по меньшей мере, шесть больших исторических волн, первая из которых относится к распространению мировых религий и утверждению межконтинентальных цивилизаций в IV–VII столетиях нашей эры. По мере того, как все эти волны в свое время угасали, за ними следовали более долгие или короткие периоды де-глобализации. Но волны не следовали одна за другой и не вытекали одна из другой. Это значит, что закат одной волны мог по времени совпасть с подъемом другой.

Хотя, как мне представляется, ничто не свидетельствует о наличии какой-либо определенной цикличности в волнах глобализации, они имеют некоторые общие черты. Все они были многомерными, включая в себя военно-политические, экономические и культурные силы и процессы, хотя каждая и имела одну доминирующую составляющую. Таким образом, подъем этих волн был связан с деятельностью автономных акторов, расширяющих свое влияние и сферу воздействия, а не с интенсификацией неких системных процессов. Но при этом каждая волна имела тенденцию к созданию определенной глобальной системности, будь то мировая религиозная культура, империя, мировой рынок или система мировых конфликтов. Когда волна спадала, и даже более того, когда вслед за ней наступала фаза де-глобализации, эта системность ослабевала или рушилась (Therborn 2000). Иными словами, у нас мало оснований считать современную глобализацию конечной остановкой социальной истории.

2. (Не)равенство в чем? Среди кого? Каким образом?

Вряд ли существовали времена, когда равенство среди непривилегированных слоев населения считалось само собой разумеющимся благом. Сторонникам эгалитаризма приходилось доказывать свою позицию перед лицом индивидуальных и культурных различий, а также конкурирующих доктрин индивидуализма, плюрализма, мультикультурализма и возвращения к теориям генетической предрасположенности (geneticism). Было бы неуместным полностью перечислять все этические аргументы в защиту эгалитаризма, и я просто буду исходить из моральной аксиомы о безусловно равной ценности каждого человеческого существа по сравнению с другими человеческими существами. Однако, принимая во внимание этическую предпосылку о равной человеческой ценности *и, одновременно с ней*, эмпирический факт огромного человеческого разнообразия, какие виды неравенства будут для нас с социальной и моральной точек зрения важными?

Наилучшим образом, как я полагаю, отвечают на этот вопрос те, кто исходит из человеческих способностей, из работы и деяний, и из возможностей социального проектирования (designability). Первый из возможных ответов подробно разработан А. Сеном (Amartya Sen 1992, 2000) в качестве индивидуалистической эгалитарной альтернативы утилитаризму. Сен говорит о неравенстве в качестве жизни, выражающемся в несоответствии тому уровню, которого человек мог бы достичь согласно своим способностям. Последний ответ еще не был теоретически четко осмыслен и относится к несводимой к генетическим факторам культурной способности людей создавать широкое разнообразие жизнеспособных обществ¹.

Важно обратить внимание на то, что из нового подхода, базирующегося на центральной роли возможностей человека, с неизбежностью следует вывод о многомерности базового неравенства. Как глобализация не сводима к мировой торговле и потокам капитала, так и глобальные процессы рассматриваемого нами (не)равенства несводимы к распределению национального ВВП на душу населения, к доходам индивидуума или домохозяйства, как бы они ни были сами по себе важны. Из общей аргументации Сена можно вывести ряд конкретных специализированных индикаторов, подобных тем, которые используются в докладах ООН о человеческом развитии (UN Human Development Reports) и применяемом там Индексе человеческого развития (Human Development Index)², составить «списки базовых возможностей» («lists of central capabilities») (Nussbaum 2000: 78-80)³ или же «компонентов уровня жизни» («level of living components»)⁴.

¹ В структуралистском марксизме в центре отношений неравенства всегда была классовая структура и связанная с ней базовая эксплуатация, которые четко отделялись от индивидуальных шансов социальной мобильности в рамках данной иерархии позиций. «Способность к социальному проектированию» (“designability”) – более политически ориентированная формулировка той же самой идеи, связанная с наиболее значительными их последними работами, затрагивающими тему показателей социальной структуризации неравенства (Fischer et al. 1996).

² Индекс человеческого развития состоит из показателей продолжительности жизни, уровня образования (грамотность плюс численность обучающихся на второй и третьей ступенях образования) и (приведенной стоимости) ВВП на душу населения (сравнительная покупательная способность).

³ Список Нуссбаума включает в себя следующие элементы:

- нормальную продолжительность жизни;
- физическое здоровье;
- неприкосновенность личности в смысле физического насилия и половой или репродуктивной дискриминации;
- чувства, воображение и мысли, т.е. иметь возможность использовать все это «истинно человеческим образом» (“truly human way”);
- эмоции, быть свободным в выборе привязанностей, а также свободным от всепоглощающего страха и травм;
- практический разум, т.е. иметь свободу формировать собственные концепции блага;
- включенность в общество (affiliation), включая социальные основания для самоуважения и отсутствия чувства униженности;
- другие живые существа, возможность соприкоснуться с природой;
- игры, возможность смеяться, играть и восстанавливать свои силы;
- контроль над своим окружением, политическим и материальным.

Но мы можем на какое-то время спуститься на более низкий уровень абстракции (продолжая придерживаться оснований общей аналитической теории), поставив своей целью получить более общие и/или более реальные результаты, чем набор индикаторов или длинный список элементов. Неравенство возможностей, или, если использовать классический концепт, жизненных шансов, мы можем представить в виде суммы ресурсов и обстоятельств внешней среды. И ресурсы, и внешняя среда имеют отношение к способности достичь того состояния и совершить те деяния, которые обладают для человека ценностью. Но в то время как ресурсы могут распределяться индивидуально, окружающая среда определяет отсутствие или наличие условий доступа и возможностей выбора. Соответствующие внешние обстоятельства мы, в свою очередь, можем разделить на жизненные в биологическом смысле (*vital*) и экзистенциальные, первые из которых будут относиться к человеческим организмам, а вторые – к социальной среде человеческого существования.

Теперь я хочу привести три наиболее важные для людей вида неравенства.

Биологическое, или витальное неравенство, в первую очередь, выражается в разной продолжительности жизни и разном здоровье, но может также относиться к другим жизненно важным внешним обстоятельствам и к их распределению.

Экзистенциальное неравенство важно в социальном, моральном и политическом отношении – и оно не сводится к экзистенциальным различиям между индивидами, поскольку оно категоризировано и институционализировано. Расизм, сексизм, социальные иерархии на основании принадлежности к касте или классу являются его красноречивыми примерами.

Неравенство ресурсов относится к распределению имеющих ценность в данной социальной системе ресурсов, будь то земля, верблюды, образование или деньги. Можно включить сюда также право на получение социального кредита, вне зависимости от того, является ли такое право следствием родственных обязательств или пособием, выделяемым «государством всеобщего благосостояния».

В литературе, посвященной распределению доходов в глобальном масштабе, постоянно идут дискуссии о том, следует ли измерять их в соответствии с текущими курсами обмена валют или в соответствии с внутренней покупательной способностью, показателем которой является так называемый «паритет покупательной способности» (ППС) (*purchasing power parities – PPS*). Это не просто технический вопрос, поскольку две системы измерения дают разные картины неравенства мировых доходов. Если брать обменные курсы, то разрыв между богатыми и бедными нациями невероятно увеличился в последние десятилетия XX века. Если в 1960 г. ВВП на душу населения в странах, входящих в богатейшую пятерку мира, в 30 раз превосходил таковой в беднейшей пятерке, то в 1990 году он превышал его уже в 60 раз, а в 1997 – в 74 раза (UNDP 1999:3). Но если посчитать в ППС, то разрыв между богатыми и бедными снизился с 15-кратного в 1965 г. до 13-кратного в 1998 г. (подсчеты взяты из Melchior et al. 2000, p.45). Для сравнения экономических ресурсов домохозяйств, внутренняя покупательная способность является лучшим показателем, но его вычисление может быть оспорено с методологической точки зрения. Для некоторых видов анализа, скажем, долгового бремени и условий для международной торговли и путешествий, более подходят текущие валютные курсы (ср. Wade 2001).

⁴ Для шведских и вообще скандинавских исследований уровня жизни релевантный и удобный с эмпирической точки зрения список показателей (не)равенства мог бы включать в себя десять компонентов: питание, здоровье и доступ к здравоохранению, занятость и условия труда, экономические ресурсы, знания и доступ к образованию, семья и социальные отношения, жилье и услуги по месту жительства, развлечения и культура, безопасность жизни и имущества, политические ресурсы.

2.1. Неравенство между кем?

Все разговоры по поводу неравенства относятся к неравенству между определенными категориями людей. Это стоит специально отметить, потому что эти категории могут изменяться, и в самом деле изменяются во времени и пространстве. Неравенство между людьми различного происхождения, семьями, родами, расами, между широкими профессиональными слоями, кастами, сословиями, классами давно привлекало внимание. Неравенство между нациями, полами, возрастными группами, регионами и внутри человечества в целом стало предметом общественного интереса значительно позднее. При этом выделено оказалось лишь относительно небольшое число категорий из практически бесконечного перечня возможных. Цвет кожи – да, но вряд ли цвет волос или глаз, этническое происхождение – да, но вряд ли территориальные группы, такие как уроженцы разных провинций или городов. Неравенство между индивидуальными видами деятельности часто бывает важным, но вряд ли таковое возможно между возрастными когортами – скажем, если взять всех родившихся в 1940 году и сравнить их с родившимися в 1946; при этом между более широкими возрастными и поколенческими группами – да, но не между, скажем, двадцатидевяти- и тридцатисемилетними. Тем не менее, число наиболее часто используемых категорий сравнений уже стало достаточным конкурировать между собой.

Влияние глобализации, разумеется, заключается в том, что все больше внимания стало привлекать глобальное неравенство внутри человечества. Только после Второй мировой войны девелопментализм поставил вопрос о неравенстве между нациями. Современная волна глобализации заставляет сравнивать между собой другие глобальные категории: женщин мира, детей мира, домохозяйства на всем земном шаре.

Распределение мирового дохода между нациями, измеряемое, скажем, в ВВП на душу населения, не обязательно совпадет со сравнительным распределением доходов домохозяйств на всем земном шаре. Сравнительные темпы развития между странами и внутри стран могут быть разными. С 1965 по 1992 гг. неравенство между странами значительно увеличилось, в то время как неравенство внутри каждой отдельной страны имело тенденцию к уменьшению. Таким образом, самым значительным был именно этот первый вид неравенства (Kogzeniewics /Moran, 1997, p. 106). В 1990-е гг. главная тенденция приняла противоположную направленность, поскольку наиболее густонаселенные из бедных стран, Китай и Южная Азия, стали потихоньку сокращать разрыв за счет интенсивного роста национального дохода, но одновременно там усиливалось внутреннее неравенство, что в целом увеличило масштаб неравенства в мире (Milanovic, 2000; Cornia, 2001; UN, 2000, table A1.)

Существуют, однако, и другие проблемы. Индивиды и домохозяйства являются частью местных сообществ, определяемых этнической, религиозной, территориальной или какой-либо другой общностью, и равенство между этими сообществами – важная часть представлений многих людей о справедливости, хотя оно и игнорируется часто в международной академической и политической литературе (Kanbur, 2000: 825). С другой стороны, усиливается международное внимание к проблеме равенства внутри домохозяйств, в частности, между мальчиками и девочками, мужчинами и женщинами.

Озабоченность вопросом неравенства, в отличие от бедности, означает озабоченность тем, как структурировано общество в целом, а не только судьбой наименее привилегированных его членов⁵. Поэтому она в большей степени зависит от

⁵ Необходимо подчеркнуть, что увеличивающееся признание международными институтами проблемы бедности не означает само по себе, что в той же мере будет признаваться проблема неравенства и общественного устройства как внешней среды человеческой жизни. Чили при диктатуре Пиночета была в авангарде неолиберализма, и весьма примечательны те меры, который режим применял для того, чтобы справиться с внутренним экономическим кризисом 1982-1984 гг. Политика правительства была выгодна,

самоорганизации и мобилизации самих депривированных групп, от социальных конфликтов и от крупномасштабных социальных изменений, чем озабоченность бедностью, которая, естественно, имеет более филантропическую ориентацию. Для эгалитарной политики гораздо проще фокусироваться преимущественно на неравном положении богатых как мишени для социальной критики. Однако с морально-эгалитарной точки зрения неравное положение бедных гораздо более важно, оно является главной целью изменений, поскольку именно неравенство бедных исключает их из полноценного участия в основной жизни общества.

Если согласиться с последним аргументом, то можно сделать некоторые аналитические выводы, а именно, что особенно важным показателем неравенства является относительная бедность. На национальном уровне она часто измеряется посредством определения доли населения, у которого уровень дохода меньше половины среднего для данной страны. Иногда вычисляется отношение среднего дохода к доходу 90% населения. И хотя между неравенствами богатых и бедных существует сильная корреляция, они могут значительно отличаться друг от друга. Экстраординарное неравенство в Латинской Америке является, прежде всего, неравенством беднейших 30% населения, получающих (относительно) меньше, чем аналогичные группы в Африке или где-либо еще, но оно также является и неравенством наиболее привилегированных 10 процентов населения, особенно в таких странах, как Чили или Мексика (Inter-American Development Bank, 1998: 11, 16).

2.2. Формы и механизмы неравенства

Фундаментальные проблемы неравенства нельзя считать только поводом для этических рефлексий о справедливости и свободе. Они связаны также с практическими вопросами, встающими перед социальными организациями, а именно: с какими формами неравенства мы сталкиваемся? Отчего они возникают? Мы можем назвать это *способом производства ценностей*, связанным с определением ценных ресурсов, внешних условий и способов их воспроизводства.

Ключевые вопросы, относящиеся к способу производства ценностей, касаются большого числа достижений или владений (achievements or possession), которым приписывается высокая ценность, а также того, до какой степени эти ценности могут (или не могут) конвертироваться одна в другую. Если существует одна высшая ценность, скажем, деньги, а все другие значительные ценности могут легко в нее конвертироваться, мы имеем одну форму неравенства, а именно, «вертикальную монетарную лестницу». Если есть две или более главные ценности, которые с трудом взаимозаменяемы, как, например, показал Пьер Бурдьё (Bourdieu, 1979), проводя различие между экономическими и культурными ресурсами, мы имеем другие сегментированные формы неравенства (ср. Walzer, 1983).

В итоге формы неравенства могут быть дифференцированы в соответствии с количеством социальных перегородок (closures), а также в соответствии с тем, являются ли эти перегородки преимущественно вертикальными, разграничивающими низших и высших, либо они, скорее, отделяют тех, кто внутри данной группы, от тех, кто снаружи. Разумеется, два этих разделения могут перекрываться, и не входящие в данную группу люди будут считаться низшими, но так бывает не всегда, и эти разные виды неравенства можно различить.

прежде всего, богатейшей части общества, что, конечно, неудивительно. Освобождение ее от долгов составило 5 процентов ВВП. В то же время была оказана помощь в виде пищевых субсидий и беднейшим членам общества. В наихудшем положении оказались безработные и другие люди, не принадлежащие к этим крайним группам (Bourguignon /Morrisson, 1992). Если в 1980 г. в Чили значение индекса Джини (Gini), служащего для измерения уровня неравенства, составляло 53, то к 1989 оно подскочило уже до 59 (Londoño /Székely, 1997).

Таблица 2. Основные формы неравенства

<i>Разграничивающие перегородки</i>	<i>Основной порядок</i>	
	<i>Вертикальный (Высшие/Низшие)</i>	<i>Горизонтальный (Внутри/Снаружи)</i>
<i>Единственная (монополия)</i>	Господство/ Поляризация	Исключение/ Маргинализация
<i>Множественные (дифференциация)</i>	Иерархия	Сегментация

В то время как господство обычно подразумевает разделение политической власти и поляризацию экономических ресурсов и ориентаций акторов, иерархия может выражаться в организационной структуре и в неформальной лестнице, располагающей людей, например, в соответствии с уровнем дохода.

Исключение, критерием которого является единственная социальная перегородка, может, разумеется, быть применено к различным группам людей, исключенных из участия в процветающем обществе, или маргинализированных. Гражданство, или, скорее, резидентность (*rezidentship*) – легальный вид на жительство на данной территории – стало преимущественной формой исключения, а не только сегментации, отделяющей чужаков от коренных жителей, оно приобретает все большее значение, поскольку весь мир в целом и внутренние отношения в нем становятся все более иерархичными.

Однако и сегментация по-прежнему является формой неравенства, преимущественно горизонтальной, а не вертикальной, не обязательно предполагающей какую-то непроницаемую перегородку. Мультикультурализм может осуществляться через сегментацию, равно как и дифференциацию жизненных стилей. Политика идентичности может быть сегментирующей, равно как и исключаящей.

В то же время, главный вопрос обычно состоит не в том, как выглядит неравенство, а в том, как оно производится. Какие социальные механизмы здесь задействованы? Почему мы с ним все время сталкиваемся?

Здесь нам необходимо понять, какого рода социальное взаимодействие порождает соответствующий характер распределения. Это взаимодействие, по всей видимости, находится между двумя полюсами. На одном из них будет дистанция, образовавшаяся за счет того, что А опережает Б, потому что у А были лучше предварительные условия, большая подготовка, удачный старт или он приложил большие усилия. Дистанция образуется не за счет какого-либо взаимодействия между А и Б, но А и/или Б, как и наблюдатели, могут находить сохранение этой дистанции важным. Мы можем считать процесс, происходящий на этом полюсе, *дистанцированием*. На другом полюсе А достигает неравенства с Б за счет того ценного, которое Б для него производит. Неравенство, существующее на этом полюсе, будет *эксплуатацией*. Эксплуатация (см. подробнее у Tilly, 1998) означает принципиальное разделение между высшими и низшими, благодаря которому последние должны производить ценности для первых, либо сильные несправедливо отнимают у слабых некоторое, определяемое по специальному принципу, количество ценностей (Miller, 1999, p.5).

То, что находится между дистанцированием и эксплуатацией – не просто континуум. Мы можем различить еще два механизма, продуцирующих неравенство. *Исключение* означает лишение других преимуществ или доступа. Исключение лучше представить в виде переменной, чем категории, в виде совокупности барьеров, помещаемых перед

определенными людьми и включающих в себя разнообразные препятствия, так же как и просто закрытые ворота. Мы можем наблюдать особый род неравенства, получающийся в результате институционального ранжирования социальных акторов – одних на верхние ступени, других – на нижние. Это неравенство образуется за счет руководства и подчинения.

Эти четыре механизма кумулятивны, они, ступенька за ступенькой, формируют лестницу в рай или преисподнюю неравенства, в зависимости от того, как вы на нее смотрите – со стороны тех, кто наказан или вознагражден. Исключение может означать не более чем затруднение доступа в сообщество тех, кто к нему не принадлежит, тех, кто не имеет членства или гражданства, и необязательно подразумевает какое-то вертикальное ранжирование. В других случаях, когда неравенство не сводится к столь явной сегментации, механизм исключения будет тем более эффективным и значительным, чем более те, кто воздвигает ведущие к исключению барьеры и препятствия, будут в каком-то смысле впереди тех, от кого они отгораживаются, либо внутри какой-то привилегированной ситуации по отношению к тем, кто вне нее. Общий аспект исключения – это маргинализация исключенных, выталкивание их из центра привилегий на окраину привилегированного общества.

Для институционализации власти и подчинения нужно, чтобы между высшими и низшими существовал какой-то барьер. Тут не обязательно должна присутствовать какая-либо хронологическая последовательность. Порядок здесь, скорее, логический, поскольку, хотя исключение без господства/подчинения и возможно, это не означает, что оно создает принципиально другую ситуацию. Подчинение влечет за собой исключение из чего-то. Эксплуатация, в конечном счете, предполагает дистанцирование, исключение и институционализированное превосходство/неполноценность, и затем добавляет ко всему этому изъятие ресурсов у тех, кто неполноценен. В отличие от воровства и грабежа, эксплуатация является институционализированной формой социального взаимодействия.

Исключение, господство/подчинение и эксплуатация – это транзитивные механизмы неравенства, которые, в отличие от дистанцирования, непосредственно направлены на депривацию депривированных.

Поскольку равенство противоположно неравенству, следовало бы ожидать, что существуют и механизмы равенства, или выравнивания, соответствующие аналогичным механизмам неравенства. Мы можем сопоставить их в таблице.

Таблица 3. Механизмы (не)равенства

<u>Неравенства</u>	<u>Равенства</u>
<i>Дистанцирование</i> , т.е. быть впереди	<i>Компенсация</i> <i>Ресурсная поддержка</i>
<i>Исключение</i> , входные барьеры, препятствия, маргинализация	<i>Включение</i>
<i>Господство/Подчинение</i> : институционализированное ранжирование, касты, расизм, сексизм	<i>Наделение правами и полномочиями</i>
<i>Эксплуатация</i> : присвоение ресурсов	<i>Перераспределение</i>

Чтобы более полно разработать теорию производства неравенства, эта концептуализация, разумеется, потребует дальнейшего совершенствования – в особенности взаимоотношения ее отдельных частей между собой, а также взаимоотношения механизмов, продуцирующих неравенство в целом и его различные формы: например, дистанцирование

может привести к поляризации так же, как и иерархия. Но это – задача не данной статьи. Вместо этого мы попробуем дать первую оценку того, как существующие на данный момент теоретические инструменты могут позволить объяснить мировое неравенство.

3. Глобальные последствия: национальных или глобальных процессов?

Нет никакого сомнения, что в мире господствует неравенство. Итоги глобального развития говорят о неравенстве цифрами национального ВВП на душу населения, доходов домохозяйств, доходов разных полов, наций, классов, а также продолжительности жизни обоих полов, уровня образования разных полов, наций и классов, и так далее. С учетом ресурсов, внешних обстоятельств и перспектив, можно построить глобальную шкалу преимуществ и невыгод⁶. В середине 1990-х доход домохозяйств, входящих в наиболее преуспевающую десятую часть мира, более чем в 80 раз превышал своей покупательской способностью аналогичный показатель для тех, кто входил в беднейшую десятую часть (подсчитано на базе Wade, 2001, таблица 3). Хочу отметить, что мы не говорим здесь ни о супер-богатых, ни о группе бездомных и нищих, но о чуть более чем шестистах миллионах на вершине шкалы преуспевания и шестистах миллионов внизу.

Совершенно другой вопрос, однако, являются ли эти глобальные последствия результатом глобальных же процессов, или нет. Глобальные последствия не обязательно глобально продуцируются. Так ли это, и если так, то до какой степени – сугубо эмпирический вопрос. Априори мы можем предположить, что они в такой же мере могут быть следствием локальных или национальных процессов, обеспечивающих локальных или национальных акторов различными ресурсами, энергией, умениями и удачей. Глобальное неравенство тогда будет результатом дистанцирования, сказывающегося в глобальном масштабе, но возникшего за счет того, что некоторые локальные акторы опережают всех остальных. Если я буду участвовать в соревнованиях вместе с лучшими в мире атлетами, я точно приду последним. Но это будет следствием моего образа жизни неспортивного ученого, а не результатом неких глобальных процессов в атлетике.

Если отнести, в целях некоторого упрощения, все суб-национальные процессы к категории «национальных» – в том смысле, что они связаны с национальным государством, – можно предположить, что глобальное неравенство возникает из различных комбинаций глобального и национального. Давайте перечислим только самые главные альтернативы.

Таблица 4. Основные комбинации глобального и национального, продуцирующие глобальное неравенство

1. *Преимущественно национальные движущие силы неравенства*
Внутригосударственные процессы, порождающие неравенство, плюс внутригосударственное дистанцирование, происходящее за счет неравного роста и развития, но также включающее в себя возможность глобальных процессов неравенства или уравнивания – более слабых, чем национальные.
2. *Глобальная история и национальное неравенство*
В настоящее время совпадает с первым случаем, но здесь принимается в расчет то, что практически все существующие ныне государства подвергаются влиянию транснациональных процессов.
3. *Преимущественно транзитивные глобальные процессы неравенства, исключения, господства/подчинения и/или эксплуатации, преодолевающие национальные усилия по достижению равенства либо поддерживаемые национальными силами, заинтересованными в неравенстве.*

Каждая их трех возможных комбинаций способна продуцировать одну и ту же глобальную картину или показатели неравенства. Решение о том, какое из возможных

⁶ В статье, которая готовилась параллельно с этой, я применяю к глобальной ситуации десять показателей, разработанных для шведских исследований уровня жизни. Доклад по материалам этой статьи (Therborn, 2000b) был представлен на конференции в Saltsjöbaden (недалеко от Стокгольма) в октябре 2000 г.

объяснений будет правильным, имеет серьезные последствия – как моральные, так и политические, хотя огромная степень мирового неравенства, какого бы оно ни было происхождения, должна бы морально затрагивать всех считающих, что каждое человеческое существо должно иметь шанс на достойную жизнь. Эта проблема, однако, значительно усложняется осознанием того факта, что неравенство бывает разного рода. У нас нет априорных оснований считать, что, скажем, демографическое, экзистенциальное и ресурсное неравенства в мире имеют одни и те же движущие силы.

3.1. Основной подход к объяснению глобального неравенства

Чтобы приступить к объяснению глобального неравенства, мы должны начать с национального государства и связанных с ним национальной экономики и общественных отношений, поскольку преимущественно эти факторы непосредственно определяют уровень жизни людей. Нация (понимаемая как принадлежность к национальному государству) в этом смысле является, несомненно, закрытой системой, и ее роль преимущественной детерминанты уровня жизни может как ослабевать, так и усиливаться для определенных социальных категорий. Тем не менее, именно отсюда лучше всего выстраивать причинно-следственную цепочку. Границы гражданства и даже более того, наличия гражданских прав – легального вида на жительство, самым решительным образом влияют на жизненные шансы большинства людей. Экономические и не-экономические социальные отношения в значительной степени формируются связанными с государством экономическими и общественными структурами. Существующие в настоящее время национальные государства имеют огромные ресурсы, которыми они могут распоряжаться и которые они могут перераспределять, в наиболее развитых странах ими напрямую контролируется от одной до двух третей ВВП.

Глобальность влияет на национальный уровень определения человеческих возможностей с трех сторон: со стороны глобальной истории, глобального распространения и глобальных обстоятельств.

Все современные национальные государства, экономики и общества населялись, развивали свою культуру, обретали границы и географическое положение в результате воздействия над-национальных сил и процессов. Все они находились под интенсивнейшим воздействием глобальной истории. Именно с этого следует начинать анализ мировых систем и различных путей становления современного мира. Тем не менее, тем или иным путем, в той или иной форме эта глобальная история привела к образованию социальных систем, замкнутых государственными границами, каждая из которых имеет свои собственные политические, экономические и культурные особенности и динамику, включая специфические возможности использования своего положения в мире. Эта динамика формирует национальные процессы локализации и распределения.

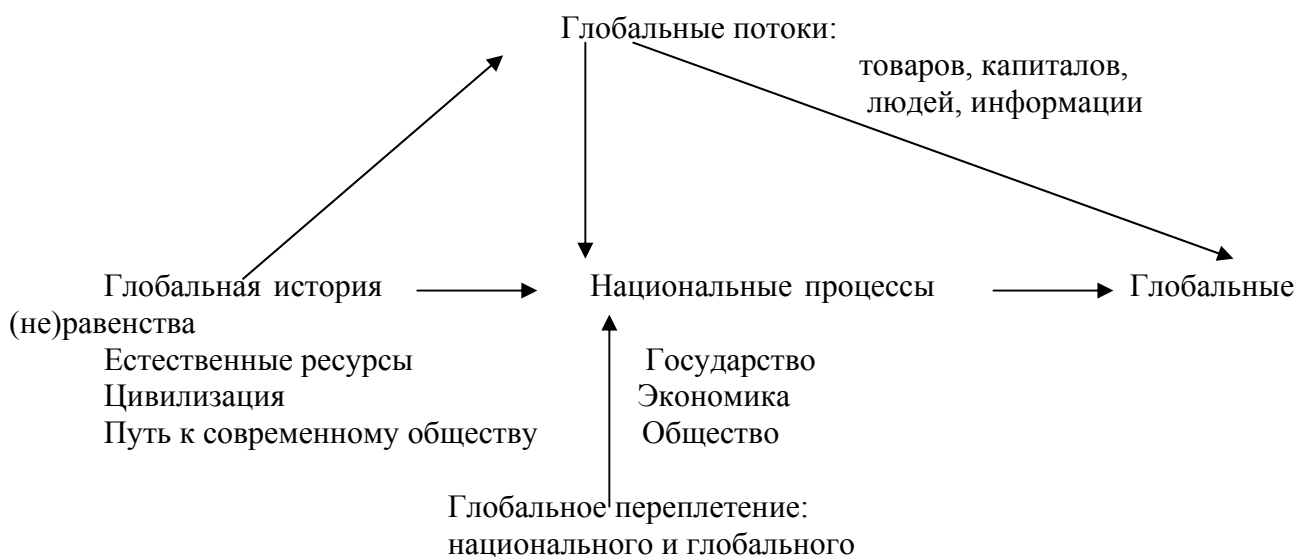
В своем современном существовании нации постоянно подвержены двум видам глобальных процессов. Наиболее очевидными из них являются глобальные или, по меньшей мере, транснациональные потоки товаров, услуг, капиталов, людей, а также, не в последнюю очередь, информации и идей. Для демографического неравенства могут также быть значимыми транснациональные потоки распространения заболеваний: раньше это была чума, сейчас – СПИД. Эти потоки имеют свою собственную, характерную лишь для них общую динамику, которая не зависит от того, насколько широко они представлены – в локальном, национальном, региональном или глобальном масштабах. Рыночная динамика торговли и финансов, логика миграционных процессов, распространение знаний – все эти потоки непосредственно влияют на распределение благ, но они к тому же могут оказывать косвенное влияние на национальные экономики, общества и государства, в том числе и на их возможности перераспределения.

Мировые процессы второго рода мы можем назвать *глобальным переплетением*, имея в виду взаимоналожение институтов и пересечение групп акторов – как на национальном и глобальном, так и локальном и глобальном уровнях. Наиболее наглядной

формой этой переплетенности можно считать создание мощных глобальных организаций, оказывающих влияние на национальные и локальные правительства, политиков и общественные движения и взаимодействующих с ними в различных формах. Самые влиятельные из них – Мировой банк и МВФ, но к ним следует отнести и группу организаций, работающих под эгидой ООН, среди которых ВОЗ, ЮНИСЕФ, Организация ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства (ФАО), МОТ и ЮНЕСКО. Для богатых стран немалое значение имеют Организация экономического сотрудничества и развития, а в Европе – Европейский Союз и Совет Европы. Глобальную роль играют также союзы, сложившиеся вокруг сверхдержав, которая была особенно велика в период холодной войны. Не следует также пренебрегать влиянием региональных банков развития, хотя оно уже не столь велико.

Мы можем теперь представить производство глобального неравенства – и тех форм равенства, которые все же в мире существуют – в виде простой модели, представленной на рисунке 1.

Рисунок 1. Факторы глобального (не)равенства

Следующий этап в решении невероятно сложной задачи, как объяснить глобальное неравенство, состоит в том, чтобы предварительно упорядочить набор объяснительных переменных в зависимости от степени их возможного влияния на различные виды неравенства. Для того чтобы не слишком усложнять себе задачу с самого начала, давайте пока сконцентрируем внимание на демографическом неравенстве (продолжительность жизни) и неравенстве ресурсов (доход).

Вопрос о третьей разновидности фундаментального неравенства, а именно, о *неравенстве экзистенциальном*, возник на политической арене лишь во второй половине XX столетия. Принятая в 1948 г. Всеобщая Декларация ООН о правах человека, Конвенция ООН 1965 г. о ликвидации всех форм расовой дискриминации и Конвенция ООН 1979 г. о ликвидации всех форм дискриминации по отношению к женщинам ознаменовали собой, по крайней мере, постановку вопроса об экзистенциальном неравенстве в рамках основных направлений мировой политики. Но дискриминация и нарушение прав человека отнюдь не были после этого ликвидированы.

3.2. Груз истории

В наши задачи не входит описание того, как именно глобальная история сформировала современные национальные политики, экономики, общества и культуры, но мы можем выделить в этом процессе решающие исторические моменты. «Природные

ресурсы» далеко не являются предметом лишь геологической истории. Их значение в мировом производстве и распределении определяется доступными формами технологии. Для анализа результатов мирового распределения ресурсов, я полагаю, нужно привлечь две другие важнейшие исторические переменные: «цивилизацию», т.е. крупномасштабную культурную формацию с историческим ядром в виде религии, и путь к современному обществу⁷.

Понятно, что большинство современных национальных государств обязаны своим происхождением различным внешним трансатлантическим и межконтинентальным силам: это относится ко всем странам американского континента, почти всем африканским и почти всем азиатским, с несколькими исключениями, из которых наиболее значительными являются Китай и Япония. Длительные и травматичные последствия сопутствующей колониализму социальной деструкции и колониальной этнической эксплуатации – характерной как для центральных районов Латинской Америки, так и для колоний XIX–XX вв., но не для осуществлявших настоящий геноцид переселенцев Северной и части Южной Америки и Австралии, – привели к утверждению системы плантационного рабства. Отзвуки его до сих пор присутствуют в памяти тех, кто получал от него выгоду, и именно эти люди, живущие в странах к северу от Атлантики и северо-востоку от Тихого океана, доминируют в современной социальной науке⁸.

Историческое наследие можно также анализировать в терминах различных путей к современному обществу – эндогенного европейского (воплощенного лучше всего в странах северо-западной Европы), переселенческого в странах Нового Света (различного в зависимости от того, связан ли он был с прямым геноцидом или поселенческим колониализмом), пути стран колониальной зоны, а также стран, перед которыми стояли задачи «реактивной модернизации» (Therborn, 1999). С помощью этого подхода открывается возможность сравнительного исследования современных региональных характеристик, таких как крайнее неравенство в странах Латинской Америки (экс-колониальных, не подвергавшихся геноциду), особой элитной роли образования в южно-азиатских странах, специфически африканского разрыва между городским и сельским населением и очень сильно выраженной в Африке тенденции к созданию грабительских государств.

Однако чтобы понять, как влияет груз истории на современные паттерны распределения, нам необходим более систематичный подход. Один из его вариантов заключается в том, чтобы рассмотреть историю XX века с точки зрения определенных типов неравенства. Давайте остановимся на демографическом и экономическом неравенствах. Чем более результаты глобального распределения 2000 г. будут подобны аналогичным результатам 1900 г., тем более очевиден будет этот груз истории.

Расчетные таблицы продолжительности жизни во многих странах существуют относительно недавно, но в нашем распоряжении есть более давние материалы о статистике детской смертности (хотя они, как любые исторические данные, имеют свои предельные погрешности).

⁷ Более подробно об основных видах исторических траекторий, приведших к современному обществу, см. Therborn, 1995, ch.1.

⁸ Об основных механизмах, с помощью которых это происходит, см.: по поводу очевидной эксплуатации Tilly, 1998, по поводу последствий плантационного рабства – Patterson, 1998.

Таблица 3. Относительная детская смертность в некоторых странах, 1900-1999 гг.
(Относительные величины, в качестве отправного уровня взята Франция, для которой данные за каждый год считаются равными 0)

	1900	1950	1999
Франция	(162=)0	(52=)0	(6=)0
Испания	52	12	1
Россия	90	29	12
США	-19	-13	1
Аргентина	22(a)	16	16
Мексика	180(b)	44	25
Египет	53(c)	78	45
Индия	83(d)	85	66
Япония	64(a)	8	-2
Шри Ланка	32(e)	30	12

Примечания: а) 1920-25 гг. даны в сравнении с Францией 1920-25 гг.;
 б) 1900-е сравниваются с Францией в том же десятилетии;
 с) 1920-е сравниваются с Францией 1920-х;
 д) 1910-е сравниваются с Францией этого же периода;
 е) 1901-05 гг. сравниваются с Францией 1901-05 гг.

Корреляции: 1900-1950: 0,52
 1900-1999: 0,39
 1950-1999: 0,95

Источники: Chesnais, (1992, таблицы A4.2-5); UN (2000a).

В течение XX столетия уровни детской смертности, а вместе с тем и продолжительности жизни, в мире несколько выровнялись. В начале XX века (нехватка и ненадежность данных по большинству стран Третьего мира иногда требуют сравнения по десятилетиям) общие глобальные различия по 9 странам в пропорции смертности относительно Франции (наиболее представительной страны Западной Европы) составляли 597 на 1000, в 1950 – 305, в 1999 – 180. Стандартное отклонение варьируется от 55,5 через 32,1 к 21,9.

Разница в положении разных стран, однако, изменилась не так уж сильно, а историческое прошлое заметно сказывалось на *относительном* уровне детской смертности. Южная Европа, представленная в данном случае Испанией, и Япония значительно улучшили свои показатели и вырвались вперед. США потеряли свое лидирующее положение, а Мексика оказалась более успешной в этом отношении, чем большинство стран Третьего мира. Необходимо при этом отметить, что данные по Египту в этой таблице относятся к 1920-м годам, а в 1900-е смертность, вероятно, была значительно выше. Реальный разрыв Мексики с Индией начала столетия точно не известен, хотя другие временные интервалы показывают, что в целом смертность в Мексике в 1920–30-е годы была выше, чем в Индии. Именно линии исторического развития привели к абсолютному уменьшению смертности после Второй мировой войны. Данные за 1950 г. предсказывают данные за 1999 г. с точностью до 90%.

Груз истории, разумеется, сказывается и на глобальном развитии доходов, и в этом отношении экономисторы проделали гораздо больше вычислений, чем исторические демографы.

Таблица 6. Относительный ВВП на душу мирового населения за 1820-1999 гг.
Индекс: ВВП США за каждый год принимается за 100

	1820	1900	1950	1999
Зап.Европа (а)	95	71	58	76
Франция	95	70	55	72
Испания	83	50	25	55
Россия	58	30	30	21
Турция	..	18(b)	14	20
Латинская Америка (с)	..	32	36	23
Аргентина	..	67	52	37
Бразилия	52	17	17	21
Мексика	59	28	22	25
Китай	40	16	6	11
Индия	41	15	6	7
Индонезия	48	18	9	8
Япония	55	28	20	79
Юж.Корея	..	21	9	48
Таиланд	..	20	9	18
Египет	..	12	5	11
Гана	..	11	12	6
Нигерия	13	2

Примечания: а) среднеарифметический показатель для Австрии, Бельгии, Дании, Финляндии, Франции, Германии, Италии, Нидерландов, Норвегии, Швеции, Швейцарии и Великобритании, т.е. стран, экономически относившихся к «Западной Европе» в середине XX в.

б) на 1913 год по сравнению с США в 1913 году

с) Среднеарифметический показатель для Аргентины, Бразилии, Чили, Колумбии, Мексики, Перу и Венесуэлы.

Корреляции: 1820-1990: 0,96

1820-1950: 0,89

1820-1999: 0,85

1900-1950: 0,96

1900-1999: 0,82

1950-1999: 0,77

Источники: Расчеты на 1820-1950 гг.: Maddison (1995, таблицы 1-3); 1999: World Bank (2000a, таблица 1).

Таким образом, глобальная история весьма ощутимо присутствует в сегодняшнем дне. Богатейшие регионы в мире в начале XXI века те же, что и в 1820 году – это англоговорящая Северная Америка и северо-западная Европа, за которыми следует Южная Европа. Япония была единственной страной, сумевшей во второй половине XX века присоединиться к клубу богачей⁹. XIX век был свидетелем впечатляющего подъема Нового света, включая Аргентину, и даже более впечатляющей стагнации Азии, в то время как Европа, вслед за своими заморскими отростками, сделала рывок вперед. Стоит обратить внимание на то, что Япония сначала разделила участь отстающей Азии, хотя и в меньшей мере, чем Китай и

⁹ Если не считать нескольких крошечных нефтяных эмиратов вроде Кувейта и Катара, и играющего роль пакгауза города-государства Сингапура.

Индия. Другие восточно-азиатские государства, преуспевшие в конце XX столетия, также к 1900 году достигли большего благополучия, чем эти два классических центра цивилизации Юго-Восточной Азии. Индо-креольская и афро-креольская Латинская Америка также была неуспешна уже в XIX веке. Африка до 1900 года представляла трудности даже для героических усилий Ангуса Мэддисона¹⁰, но к 1900 г. она была очевидно бедна, а в районе Сахары она была столь же очевидно истощена во второй половине века. Вышеприведенная хронология не вполне отдает должное возможностям российского коммунистического режима. Несмотря на то, что страна пережила разрушительную войну, там наблюдался определенный подъем: если в 1913 г. ВВП России на душу населения составлял 28% от ВВП США, то в 1973 г. уже 36% (Maddison, 1995).

Безусловно, в XX в. были возможны изменения показателей относительного благосостояния отдельных стран. Относительные показатели Великобритании и Аргентины ухудшились в той же пропорции, что и Африки района Сахары, а Финляндии и Кореи – поднялись, как Японии. Китай и другие азиатские страны продолжают отставать. Недавний экономический подъем Восточной Азии привел к тому, что между ВВП 1950 и 1999 г. наблюдается самая слабая историческая корреляция. Однако в целом мы по-прежнему живем в том самом мире, в котором глобальная структура распределения доходов сложилась еще в XVIII – начале XIX века. Данные 1820 г. позволяют корректно предсказать ситуацию года 1999-го с 72-процентной точностью, а данные 1900 г. позволяют с 67-процентной точностью предсказать картину, сложившуюся столетие спустя. На ней лидируют Западная Европа и европейские поселения Нового света, в самом конце списка находятся бывшие колониальные страны Африки и Азии, а в середине – не пережившие колониализма страны стремительной модернизации, а также полу-переселенческие, полу-колониальные страны, к которым относится большая часть Латинской Америки. При этом страны Восточной Азии, пережившие стремительную модернизацию в конце XX в., имеют перед последними значительное преимущество. Дисперсия только увеличивается: если в 1900 г. стандартное отклонение составляло 25,8, то в 1999 г. уже 29,3.

3.3. Сила потоков

История, разумеется, не воспроизводит себя сама. Историческая локализация стран в системе глобального распределения воспроизводится за счет транснациональных потоков и их взаимодействия, равно и как за счет внутринациональных процессов. Существует несколько способов сохранения и увеличения изначальных преимуществ, независимо от их происхождения. Когда экономика достигает определенного уровня развития, за которым следует спад, в ней может сохраняться высокий уровень накоплений и инвестиций. Здоровые, благополучные и хорошо образованные родители, скорее всего, произведут на свет такого же потомка. Хорошая экономическая ситуация скорее сможет продуцировать и сохранять политическую стабильность, чем плохая; а политическая стабильность, в свою очередь, с большей вероятностью привлечет инвестиции, чем социальная борьба.

Экономгеографы давно уже с некоторым недоумением отмечали высокую концентрацию в разных странах определенных видов экономической активности в тех районах, которые не отличались какими-либо очевидно благоприятными природными условиями. В конце XX столетия эта идея была подхвачена и развита некоторыми специалистами по международной экономике, которые терминологически определили ее как моделирование динамических процессов экономической поляризации (Krugman, 1993; Krugman /Venables, 1995). Они показали, что увеличение прибыльности, падение стоимости транспортировок и уменьшение зависимости от обязательного набора природных ресурсов приводит к скоплению преимуществ на одном полюсе и неблагоприятных факторов на другом, т.е. функционирует механизм исключения. Описанное Кругманом разделение на ядро и периферию можно считать конкретизацией более общих идей, ранее

¹⁰ Ангус Мэддисон (Maddison) – знаменитый исследователь истории мирового экономического развития. – *Прим. перев.*

сформулированных Иммануилом Валлерстайном (Wallerstein 1974), указывавшим на контраст между ядром и периферией современной мир-системы¹¹. Значительная часть груза истории состоит из таких причинно-следственных циклов, благоприятных или губительных.

Классические экономические потоки представляют собой торговлю, движение капитала и миграцию. Сейчас все более признается сложное и неоднозначное воздействие этих потоков, включая подчиняющуюся более сложным закономерностям торговлю, на распределение благ в мире. Оно порождает целый клубок ярких противоречий.

В современном мире международная торговля не дает того выравнивающего, инклюзивного эффекта, который предсказывали в своих теоретических рассуждениях и который могли наблюдать в североатлантическом регионе такие скандинавские либеральные экономисты и историки экономики, как Векселл (Wicksell), Хекшер (Heckscher) и Олин (Ohlin). В то время как, например, протекционистские, ограничивающие импорт экономики Латинской Америки выровняли свои ВВП после депрессии начала 1890-х, разрыв между ориентированными на экспорт экономиками Восточной Азии с 1960 по 1989 г. значительно увеличился (Rodríguez /Rodrik, 2000, p.52). Наибольшая экономическая конвергенция между европейскими странами была достигнута до того, как они объединились в Евросоюз, причем после этого она замедлилась (Therborn, 1995, p. 196-7). Кратковременный эффект открытости для международной торговли и конкуренции является предметом острой полемики, поскольку рядом международных организаций, таких, как Мировой банк, энергично проталкивается глобализация торговли. В ходе дебатов, состоявшихся в Стокгольме в октябре 2000 г., Дани Родрик (Dani Rodrik, 2000) успешно разбил аргументы Дэвида Доллара и Арта Краая (David Dollar and Art Kraay, 2000) о том, что «глобализирующиеся» экономики 1980-х имеют более высокие показатели роста из-за своей открытости. С другой стороны, ничего удивительного нет в том, что они не смогли обнаружить значимой корреляции между уровнем участия в международной торговле и масштабами неравенства внутри страны – это лишь означает, что в некоторых случаях, как в Юго-Восточной Азии, открытость не приводит к поляризации, тогда как в некоторых латиноамериканских странах этот эффект со временем возникает (cf. Wood, 1997; World Bank, 2000a, pp.70-71).

Мировая торговля идет в основном между богатыми странами. На Большую семерку приходится половина глобальной торговли, на Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – почти три четверти. Экспортный прорыв стран Юго-Восточной Азии никак не повлиял на это соотношение. Доля этих двух групп стран в торговле 2000 г. осталась примерно той же, как и в 1982 (даже если игнорировать участие стран, недавно присоединившихся к ОЭСР, все равно ее доля составит две трети мировой торговли) (OECD, 2000, Annex Table 47; WTO, 2000). Экспорт стран, не принадлежащих ни к ОЭСР, ни к ОПЕК, в страны ОЭСР вырос лишь незначительно: с 1,6% ВВП стран ОЭСР в 1962 г. до 2,4% в 1982 г. и до 3,4% в 1999 г. Но структура импорта в богатые страны по сравнению с классическим периодом претерпела коренные изменения. В 1998 г. две трети импорта в преуспевающие страны ОЭСР из стран со средним и низким уровнем дохода составляли промышленные изделия, а в США их доля доходила до трех четвертей (World Bank 2000b, table 6.3).

Новый паттерн торговли дал пищу для аргументов в пользу перераспределительного эффекта глобальной конкуренции в области зарплат (Wood, 1994). Рон Джонс (Ron Jones, 2000), однако, продемонстрировал, что даже благоприятные модели торговли неоднозначны по своим последствиям. В конечном итоге, дебаты показали, что если сравнивать между собой богатые страны – члены ОЭСР, то импорт из развивающихся стран имеет статистически значимое влияние на рост неравенства, однако этот эффект исчезает, если рассматривать одну только Западную Европу. Это означает, что он не имеет места в высокоразвитых «государствах всеобщего благосостояния» (Gustafsson /Johansson, 1999).

¹¹ Можно предположить, что примерно те же самые процессы обеспечивают концентрацию науки и ученых в небольшом количестве элитных институтов.

Влияние успешного экспорта на внутреннее распределение доходов на Юге также весьма различно. Адриан Вуд (Adrian Wood, 1994, chs. 6.2-6.4), хотя его обширный обзор данных не носит законченного характера, склоняется к гипотезе о том, что промышленный экспорт, ориентированный на Север, имеет для Юга определенный эгалитарный эффект. С другой стороны, Баноджи Рао (Bhanoji Rao, 1999), анализируя различные источники информации о заработках и доходах в Юго-Восточной Азии, представляет картину постоянных национальных и внутрирегиональных колебаний, в которых на больших временных периодах, например, между концом 1960-х и концом 1990-х, трудно обнаружить определенные национальные тенденции¹². В других странах Юга со средним уровнем дохода, таких как Мексика и Турция, открытость торговли на самом деле привела к увеличению дисперсии заработков и неравенства доходов (World Bank, 2000a, p.71). Глобальный аналитический подход к этой проблеме пока еще в самой начальной стадии разработки.

В своем масштабном историческом исследовании атлантических экономик Кевин О'Рурк и Джеффри Уильямсон (Kevin O'Rourke and Jeffrey Williamson, 1999) в целях сравнительного анализа свели воедино потоки товаров, капитала и людей. Их главной зависимой переменной были реальные зарплаты в период с 1870 по 1910 г. Главный вывод заключался в том, что основная часть конвергенции объясняется фактором мобильности. Помимо прочих последствий, массовая миграция из Европы в Новый Свет уменьшила разрыв в зарплатах по разные стороны Атлантики. Важную роль сыграл также приток капитала в Скандинавию. Торговля же имела совсем небольшой эффект, а в некоторых случаях и вовсе никакого.

Важная задача исследователей состоит теперь в том, чтобы объединить торговлю с мобильностью труда и капитала в едином анализе современных глобальных потоков. Эти потоки в настоящее время существенно изменили свои направления по сравнению с теми паттернами, которые в конце XIX и на протяжении большей части XX столетия воспроизводили экономическую карту мира времен первой половины XIX века.

Волна глобализации, прокатившаяся в конце XIX века, помимо прочего, создала взаимовыгодные потоки между новыми богатыми экономиками. Европа экспортировала значительную часть своего населения – около 60 миллионов – в обезлюженные, богатые землей и ресурсами, но бедные капиталом заморские поселения. Хотя в это время существовали и другие миграционные потоки, из которых важнейшим было веерное расселение китайцев в Юго-Восточной Азии, выезд европейцев в Америку, безусловно, был самым значимым. Потоки капиталов от ведущего мирового инвестора, Великобритании, также шли преимущественно в этом же направлении, в то время как французский и немецкий капиталы прежде всего направлялись в Восточную Европу. Паттерн торговли был преимущественно индустриально-аграрно-сырьевой, причем индустриализированная Европа экспортировала промышленные изделия и импортировала продукты питания и сырье для индустрии. Колониальные империи и их международные торговые потоки играли по отношению к этому паттерну лишь маргинальную роль (ср.: Hobsbawm 1987, pp.73-4).

После Первой мировой войны последовали два десятилетия де-глобализации, сопровождавшейся падением уровня торговли, миграции и движения капиталов, а затем случилась другая мировая война. Постепенная реструктуризация глобальной экономики после Второй мировой войны происходила под влиянием некоторых новых условий: подъема Советского Союза до уровня глобальной сверхдержавы, возглавляющей коммунистический блок; полноценного включения Японии в круг развитых экономик; мощного прорыва всей Западной Европы и всемирной де-колониализации. Тем не менее, в

¹² Тайвань в настоящее время входит в сравнительное Люксембургское исследование доходов (Luxemburg Income Survey). Его данные показывают лишь небольшое увеличение уровня неравенства между 1981 и 1995, с изменением индекса Джини с 26,7 до 27,7. Такой уровень неравенства существует, например, между скандинавскими странами и остальной Западной Европы, или, если сформулировать по-другому, он очень близок к показателям Великобритании до прихода к власти правительства М.Тэтчер (LIS Internet-database).

общем и целом, воспроизвелась сложившаяся еще до 1914 года взаимосвязь между Западной Европой и экономиками европейских переселенцев в странах Нового Света – в движении капитала (теперь преимущественно из США в Западную Европу), а также торговых и миграционных потоках, хотя уже и с более низким уровнем интеграции.

Первым значительным изменением паттерна этих потоков было превращение Европы из континента, служившего отправной точкой миграции, в континент, привлекающий иммигрантов, которое начало происходить в начале 1960-х гг. Основными поставщиками иммигрантов были Турция, Северная Африка и Южная Азия (в Великобританию), а в 1990-х к ним присоединилась Восточная Европа. В 1980-х опять начала расти иммиграция в США, но уже не за счет уроженцев Европы. Латинская Америка превратилась из цели миграции в ее отправную точку. С расистской дискриминацией в Северной Америке было покончено, а несколько позднее, в 1970-е, австралийская иммиграционная политика открыла возможности для значительной иммиграции из Азии. Коротко говоря, классический северо-атлантический миграционный поток превратился в поток, направленный с Юга на Север, хотя и не достиг масштабов предыдущего. Этот новый паттерн миграции должен был отразиться на мировом выравнивании богатств – как и новый иммиграционный узел в странах Персидского Залива и региональные системы миграции в Южной Африке, Юго-Восточной Азии и Западной Африке, хотя эти перемещения не столь многочисленны. Однако по этому поводу существует мало систематизированной информации. Количество людей, вовлеченных в эти процессы, иногда весьма велико. Так, 8% урожденных мексиканцев в 1990-е гг. проживало в Соединенных Штатах, 10% филиппинцев также жило за границей. У небольших наций Карибского региона доля диаспоры составляет до 10-15% населения (Binational Study on Migration, 1998; Castles 2000; International Office of Migration, 2000).

Капитал до сих пор перемещается преимущественно между Северной Америкой и Западной Европой, составляя от трех пятых до двух третей всех прямых зарубежных инвестиций. Но взлет объема прямых зарубежных капиталовложений в последнее десятилетие XX века открыл дорогу процессам, которые можно представить как начало изменения этого паттерна, поскольку большая их часть была направлена в развивающиеся страны. Этот сдвиг произошел в основном за счет Китая, который привлек много иностранного капитала, получив 1,8% всех глобальных денежных потоков в 1990 г. и 7% в 1998 г., а также благодаря вновь возникшей заинтересованности в Латинской Америке, увеличившейся приходящийся на ее долю объем мировых капиталовложений с 4,2 до 11% (World Bank, 2000a, p.21; UNCTAD, 1999: диаграмма 2 и таблица 6.) Время покажет, насколько задержал эту тенденцию Азиатский кризис 1997-98 гг., но пока непохоже, что он оказал влияние. Его последствия еще ощущались в 1999 г., когда значительно перед тем возросший поток прямых иностранных инвестиций в Восточную и Юго-Восточную Азию упал с 23% в 1996 г. до 11% мировой доли (из которых 4% приходилось на Китай), и достиг уровня капиталовложений в Латинскую Америку. Однако в абсолютных величинах, чистый поток прямых инвестиций в развивающиеся страны в 1999 г. увеличился почти пятикратно по сравнению со среднегодовыми цифрами за период 1985-95 гг., а именно – приблизительно с 30 до 140 миллиардов американских долларов. Другими словами, прямые зарубежные инвестиции в эти страны выросли с 5 до 11% прироста основного валового капитала (UNCTAD, 2000).

В то время как частичное изменение направления движения капитала может иметь кратковременный эффект поляризации в странах-реципиентах, в целом его влияние на экономический рост на Юге должно уменьшить мировое неравенство. С другой стороны, либерализация краткосрочных перемещений капитала, повсеместно продвигаемая МВФ и неолиберальными экономиками, создает новую финансовую нестабильность, а вытекающие из нее финансовые кризисы обычно ведут к увеличению бедности и неравенства. Финансовый кризис 1997-98 гг. в Восточной Азии поверг в крайнюю нищету 10 миллионов человек (World Bank, 2000, p.23; see further Cornia, 2001, pp.32ff). К таким же последствиям приводили финансовые кризисы начала 1980-х гг. и 1994-95 гг. в Мексике. Огромный груз

внешнего долга и его обслуживание, павшие на Латинскую Америку в 1980-х и на Африку в 1980-90-х гг., значительно усилили неравенство в этих странах.

Гораздо менее исследован транснациональный поток знаний, хотя Джон Мейер (John Meyer, 2000) и группа его сотрудников изучали распространение концепций организаций и институтов, обеспечивавших социальные «сценарии» для акторов в глобально взаимосвязанном обществе. Под этим углом зрения рассматривалось распространение образования и образовательных систем и программ (Meyer et al., 1992). Развитие массовой грамотности в большинстве частей света в течение второй половины XX столетия было частью этого процесса, и оно внесло значительный вклад в более равное распределение человеческих возможностей, но во многом оно состоялось все же за счет национальных усилий, особенно в коммунистическом Китае и бывших колониях, добившихся независимости.

Более специфическую форму имел глобальный поток медицинских знаний, который с самого начала сталкивался, и продолжает сталкиваться со значительными препятствиями, порожденными неравномерным распределением прав собственности и исследовательских ресурсов. Тем не менее, именно благодаря потоку медицинских знаний уменьшение смертности и увеличение продолжительности жизни оказалось в мире распределено более равномерно, чем доходы. Такие средства лечения, как аэрозольные распылители (например, против малярийных мух), вакцины, пенициллин и другие антибиотики, более современная информация о роли санитарии и гигиены в профилактике инфекционных болезней, а также соответствующие знания и техники распространились по миру и самым непосредственным образом сказались на уровне смертности.

Критически важный период в этом смысле наступил сразу после Второй мировой войны. Наиболее наглядным примером этому может служить Цейлон (сегодняшняя Шри Ланка), где в эти годы была предпринята антималярийная кампания – не единственная, но сыгравшая решающую роль. В 1945 г. уровень смертности составлял там примерно 21,5 смертей на тысячу населения и был примерно таким же, как и в 1939 г. В 1947 г. он раз и навсегда упал до 14. К 1950 г. он составлял 12,4, а в конце 1950-х стал менее 10. Также и в Индии, где смертность в 1930-1945 гг. колебалась между 21 и 25, а в 1949-50 гг. упала до 16. В Гонконге в 1939 г. уровень смертности достигал 30, а в 1946 г. упал до 11 (Chesnais, 1992, table A3.11). Аналогичные изменения произошли в других частях Восточной Азии. По Африке мало надежных данных в области исторической демографии. Наиболее надежными кажутся данные по Тунису и Египту, которые показывают падение смертности с 27-28 в период Второй мировой войны до 18-19 в 1960 г. (Allman, 1978, p.12; World Bank, 1978, table 15)¹³. В Восточной Африке уровень смертности в пределах 20-29 утвердился в 1950-е гг., с наименьшим показателем 18 в Кении в 1962 г. В Бельгийском Конго уровень смертности в 1955-57 гг. был приблизительно равен 26, а в Береге Слоновой Кости 29. Но в Западной и Центральной Африке вплоть до независимости уровень смертности сохранялся еще на уровне 30 на тысячу человек (Coale /Logimer, 1968, table 4.2; World Bank, 1978, table 15).

В таких частях Карибского архипелага, как Куба и Ямайка, уровень смертности снизился уже в межвоенный период, но данные официальной статистики не заслуживают доверия. Например, трудно поверить, что на Кубе в 1930-м г. смертность была ниже, чем во всех странах Европы, кроме Нидерландов (Chesnais 1992, tables A3.4 and A3.9). Вероятно, более репрезентативной является траектория изменений в Мексике, где уровень смертности приблизительно с 22 во время Второй мировой войны снизился до 15-16 в 1950-53 гг.

Подводя итоги, можно сказать, что поток медицинских знаний сыграл выдающуюся, если не исключительную роль, в продвижении самого важного компонента мирового равенства. Другим важным примером может служить распространение контрацептивов, которые также значительно влияют на распределение мировых жизненных шансов. То же относится и к высокоурожайным культурам, появившимся в результате Зеленой революции

¹³ Шене (Chesnais 1992, p.568) приводит данные о смертности в Египте ниже 20 на протяжении всех 1950-х гг., и неправдоподобно низкие данные по Тунису – 8 на протяжении 1952-54, и 10 в 1960 г.

1960-х гг. и сыгравшим такую важную роль в Южной Азии. В 1900 г. разрыв продолжительности жизни между Индией и Францией составлял 24 года, что означало, что французы жили в два раза дольше, чем индийцы. К середине столетия, непосредственно перед началом эффективного распространения в Азии новых медицинских знаний, этот разрыв был даже больше и составлял около 34 лет. Но к концу XX столетия он упал до 15-16 лет. (Mari Bhat, 1989, p.92; UN, 1951, table 29; World Bank, 2000:table 2). С 1960 по 1997 гг. продолжительность жизни в так называемых развивающихся странах поднялась с 47 до 62 лет, а разрыв между ними и богатыми индустриальными странами сократился с 24 до 12 лет. Увеличение продолжительности жизни стало одним из немногих успехов независимой Африки. Между 1960 и 1998 гг. средняя продолжительность жизни в районе Сахары увеличилась с 40 до 50 лет, но разрыв с богатыми странами все еще достигает 28 лет (UNDP 1996, table 47; UNDP 1999).

Для мирового населения в целом ожидаемая продолжительность жизни при рождении между 1962 и 1997 годами выросла с 55 до 66,6 года. Коэффициент Джини – показатель, наиболее часто употребляемый для измерения неравенства доходов и колеблющийся от 0,2 между наиболее равными странами до 0,6 между самыми неравными, применительно к продолжительности жизни среди мировых наций снизился с 0,24 до 0,11¹⁴. Это демографическое выравнивание – очень яркий и важный положительный знак мирового развития с эгалитарной точки зрения. Однако, констатируя этот факт, нельзя не обратить внимание на негативные тенденции, проявившиеся в 1990-е годы в посткоммунистической Восточной Европе, в частности, в бывшем СССР и на Балканах, а также на пораженную эпидемией СПИДа Африку, в особенности Южную. Ожидаемая продолжительность жизни российских мужчин при рождении с 1991 по 1994 г. упала с 64 до 58 лет, вновь поднявшись лишь до 61 к 1997 году (Cornia /Panicciá, 2000, p.6; McKee, 2001, p.28). Однако эти позднейшие тенденции лишь замедлили, но не остановили процесс уменьшения неравенства в продолжительности жизни в глобальном масштабе.

Африканский опыт последнего десятилетия может знаменовать собой поворот к худшему в распределении потоков знаний. В то время как традиционные экономические потоки могут повернуться в сторону меньшего неравенства, потоки знания могут измениться в противоположном направлении. На это указывают новые и пока еще малопонятные потоки заболеваний, в частности, распространение СПИДа, который наиболее жестоко поразил Южную и Восточную Африку. Хотя прилагаются значительные международные усилия по борьбе с болезнью, до сих пор не достигнуто прорыва, который позволил бы помочь ее африканским жертвам. Эпидемия СПИДа в некоторых африканских странах носит катастрофический характер. За прошедшее десятилетие ожидаемая продолжительность жизни при рождении уменьшилась на 21 (!) год в Ботсване, на 8 лет в Кении, на 2 в Мозамбике, на 5 в Танзании, на 10 в Замбии и на 12 в Зимбабве (World Bank 1990, table 1; World Bank 2000a, table 2). Это означает, что в целом разрыв между Африкой в районе Сахары и богатой частью мира опять увеличился – с 25 лет в конце 1980-х до 28 в конце 1990-х.

Проблема СПИДа привлекла внимание к вопросу о власти и ценовой политике фармацевтической индустрии, а если говорить более обобщенно, то к тем последствиям инициированного США международного Соглашения о коммерческих аспектах прав интеллектуальной собственности (СКАПИС), которые можно назвать *исключающими*. Большие фармацевтические корпорации Севера стремятся воспрепятствовать правительствам и компаниям Юга, в частности, Индии, Южной Африки и Бразилии, пытающимся создать более доступные медицинские препараты, замедляющие развитие болезни, для своего ВИЧ-инфицированного населения. Южная Африка и Бразилия в первой половине 2001 г сумели добиться в этой борьбе определенных успехов, однако СКАПИС и

¹⁴ Подсчеты выполнены Melchior et al. (2000, p. 79). Источником данных для них послужили «Показатели мирового развития», изданные Всемирным Банком в 1999 году.

патенты остаются огромными проблемами с точки зрения распространения медицинских и сельскохозяйственных знаний.

Центры производства научного знания находятся в богатой части мира, в частности, в Соединенных Штатах. Из 371 Нобелевской премии за работы в области естественных наук и экономики, присужденных за 1946-2000 гг., 218, или 59 процентов, получили сотрудники американских институтов, а еще 139, или 37 процентов – западноевропейских. За последние годы доминирование США в этой области только усилилось. Из 61 лауреата, награжденного с 1994 по 2000 гг., 45 жило в США и лишь 13 – в Западной Европе (остальные три человека – физик из Канады, его коллега из России и химик из Японии, данные почерпнуты в: Nobel e-Museum.) В этих научных центрах получают высшее образование студенты и из других частей мира, что выгодно другим странам, если они возвращаются потом на родину. Насколько часто они это делают, и насколько часто лучшие из лучших поглощаются американскими и европейскими институтами и предприятиями, в настоящее время точно не известно. Но риск серьезной утечки мозгов из бедной части мира был отражен в последнем Докладе о международной миграции, где говорилось о том, что ежегодно Африку покидает около 23 000 академических ученых (International Office of Migration, 2000).

Распространение неолиберальных экономических режимов, поддерживаемое переплетением институциональных усилий с кредитными возможностями МВФ и Всемирного Банка, в свою очередь подкрепляемых правительством США, можно считать в значительной части причиной недавнего увеличения экономического неравенства внутри стран. Джованни Андреа Корниа (Giovanni Andrea Cornia, 2001, pp. 36-7) сумел показать значительные нарушающие равенство последствия проведения политических реформ, навязываемых «Вашингтонским консенсусом» МВФ и Всемирного Банка.

3.4. Власть «глобальных переплетений»

Увеличение числа независимых государств после Второй мировой войны сопровождалось все более замысловатым переплетением этих формально суверенных государств и множества международных сетей. Некоторые из них являются региональными и институциональными, как, например, Европейский Союз, некоторые – региональными и неформальными, как в регионах, объединенных общими кризисными явлениями, из которых наиболее заметным примером может служить Азиатский кризис 1997-98 гг. Некоторые из них объединяют страны, относящиеся к одной категории, как, например, ОЭСР – клуб богатых стран. Другие – глобальные – создают глобальные переплетения в самом строгом смысле слова, как, например, клиентелы супердержав во время Холодной войны, или арены воздействия наиболее важных и могущественных глобальных межгосударственных организаций, таких как МВФ, Всемирный Банк, организации при ООН, или аналогичных негосударственных организаций, как Международная федерация планирования семьи.

Созданию этих переплетений способствует взаимосвязь между национальным суверенитетом и наднациональной взаимозависимостью. Если даже и не по сути своей, то как правило, эта зависимость носит весьма асимметричный характер, но было бы большой морально-политической, равно как и аналитической, ошибкой сбрасывать со счетов роль национальных правительств и их ответственность, даже в том случае, если они имеют дело с такими могущественными внешними силами, как ВМФ. Даже внешний долг страны является результатом ее национальной политики, поскольку именно на этом уровне принимаются решения о взятии и использовании (или растрате) внешних займов.

Глобальные переплетения и сети определяют направления потоков торговли, капитала и людей с помощью каналов, созданных транснациональными корпорациями или, например, продолжением отношений с бывшими колониями (ср.: Kritz et al., 1992). «Узловые пункты» этих потоков на локальном уровне – например, «глобальные города», коммуны, в которых расселяется диаспора или иммигрантские гетто – также, в свою очередь, производят переплетения глобального с локальным, порождая локальные процессы развития

неравенства. Но здесь я хотел бы выделить некоторые специфические механизмы, три из которых кажутся мне наиболее важными.

Первый – глобальное (или международное) влияние на *создание национальных программ*. Источники глобальных норм обеспечивают критический подход к национальной ситуации, и за счет их специфического влияния на формирование национальной политики они стимулируют создание национальных программ. Так, ОЭСР использовал эту процедуру для того, чтобы навязать гибкость рынка труда, конкуренцию между службами общественного обеспечения и снижение налоговых норм. Глобальная машинерия ООН использует ее для целей подъема культуры и утверждения равенства, определяя целевые группы для распределения, например, воды и санитарных услуг, вакцинации, питания, образования для девочек, и общего уменьшения бедности. Этих целей часто не удается достичь, но сами попытки их достижения обычно подразумевают развертывание транснациональных ресурсов и некоторое давление на национальные государства. Определение целевых групп обычно нужно затем, чтобы добиться более равного распределения, хотя, конечно, в принципе, оно может привести и к другим результатам, как и все такого рода механизмы.

Второй механизм – формирование моделей институтов, означающее разработку и предписание создания национальных институтов определенного рода. В недавнем прошлом это глобальное формирование моделей принимало две основные формы, которые имели тенденцию порождать разные способы распределения. Одна из них подразумевала либерализацию всего мира, продвигая дерегуляцию, приватизацию и открытие границ. Главной целью ее было уничтожение барьеров на пути фирм и рынков. (Серьезный критический обзор этой политики можно найти в Cornia 1999.) МВФ и Мировой банк, а также стоящее за ними правительство США (cf. Wade 2000), были главными движущими силами этого процесса.

Другой вариант применялся группой организаций при ООН для снижения барьеров, стоящих перед индивидуумами и был направлен на преодоление социального исключения и уменьшения роли иерархий. Это было движение за права человека в целом, и в частности, в интересах слабых и дискриминируемых категорий, таких как женщины, дети, этнические меньшинства, трудовые мигранты. Здесь главными инструментами были конференции и конвенции ООН. Гендерное равенство и поддержка бедных также совсем недавно были включены в платформу действий Мирового банка (World Bank, 2000a, Part III).

В-третьих, это конкретные *политические предписания*. В большом масштабе они разрабатывались и применялись в 1980-е гг. в рамках «политики реструктуризации», предписанной странам Африки и Латинской Америки МВФ и Мировым банком. Другой примечательный случай их применения – это операции МВФ в ходе кризиса в Юго-Восточной Азии, начиная с Таиланда и до Кореи, в 1997-98 гг. Но и до этого были случаи весьма важных и эффективных политических предписаний. Наиболее значительным из них была политика контроля над рождаемостью, получившая международную поддержку с начала 1960-х гг. и проводимая с помощью Мирового Банка, правительств США и протестантских стран Европы, а также влиятельных негосударственных организаций, в частности, Международной федерации планирования семьи – политика, в конечном итоге завоевавшая мировую поддержку в период между Бухарестской конференцией по народонаселению 1974 г. и Мексиканской 1984-го.

Создание программ, формирование институтов и политические предписания проводятся с помощью вполне осязаемых форм давления: через посредство советников – приглашенных или назначенных, через посредство экономических стимулов и материальной помощи и через санкции в виде отказа в кредитах, исключении из членства в международных организациях или публичной критики. Трудно оценить их совокупный эффект на распределение благ. Политика ООН по поддержке целевых групп и всего населения явно имеет выравнивающий эффект, даже с учетом того, что часто не достигает своей цели. От этого вида глобализации, в частности, выигрывают женщины.

Непосредственный результат интервенций МВФ, включая последнюю из них, имевшую место в Азии, обычно приводит к регрессии (Cornia, 2001), а достигаемый с его помощью через какое-то время экономический рост бывает непоследовательным, а иногда дает и негативный эффект (Przeworski /Vreeland, 2000; Easterly, 2001). В последнее время эти влиятельные международные организации стали больше интересоваться последствиями в виде распределения благ, но недавняя отставка двух наиболее заметных функционеров Всемирного банка, занимавшихся этими проблемами, Джозефа Стиглица (Joseph Stiglitz) и Рави Канбура (Ravi Kanbur), указывает на то, что этот интерес носит весьма ограниченный характер.

Официальная непосредственная помощь, оказанная нескольким бедным странам, дала существенный эффект, пусть даже и кратковременный. В 1990 г. она составляла десятую часть ВВП в Африке района Сахары. К 1998 г. ее доля упала до 4%, а для всех стран мира, имеющих низкие доходы, она составила лишь один процент их национального дохода. Однако для некоторых отдельных стран эта цифра до сих пор достаточно велика, в частности, в 1998 г. она составляла 28% никарагуанского и мозамбикского ВВП, четвертую часть в Малави, пятую в Эритрее и Монголии, восьмую в Танзании и десятую часть ВВП Гаити и Сенегала (World Bank, 2000a, table 21).

3.5. Устойчивость и национальные различия

Как указывалось выше, механизм неравенства совсем необязательно должен носить глобальный характер, хотя мы и можем считать глобальными результаты его воздействия, представляющие собой мировой паттерн неравенства. Мы можем иметь дело с национальными механизмами, с фактором национальных возможностей, их использования и развития, с национальными институтами, национальными властными отношениями и национальными решениями и стратегиями. На этом уровне не работают уже никакие глобальных детерминанты, хотя результатом воздействия всех этих факторов и является глобальное распределение благ, на которое влияет как совокупность паттернов национального распределения, так и механизм дистанцирования. Поскольку существует уровень межнационального взаимодействия, совокупность других наций представляет собой некую ступень в структуре возможностей, которой может достичь каждый национальный актор при наличии определенной удачи и умения. Эти национальные механизмы должны подразумеваться при каждой попытке анализа и каждой дискуссии об экономическом росте государств, и составлять важную часть объяснения распределения мирового дохода.

В первой работе, посвященной глобальному неравенству индивидуумов и основанной на опросе членов домохозяйств, Бранко Миланович (Branko Milanovic, 1999) показал, что если использовать для разделения на группы индекс Тейла¹⁵, то 75% мирового неравенства (среди индивидуумов) объясняется тем, в какой они живут стране, а если использовать коэффициент Джини – то 88%. С точки зрения перспектив национального государства эта цифра является существенным преувеличением, поскольку значительное число больших стран, таких как Китай, Индия, Индонезия, Бангладеш, Египет, были предварительно разделены на городскую и сельскую страны, что может быть весьма плодотворно для других исследовательских целей, но не для этой.

В нациях, для которых характерно наибольшее неравенство, экономическое неравенство между гражданами столь же велико, как и в мире в целом. По подсчетам Милановича (Milanovic, 1999), коэффициент Джини для всего мира в 1993 г. составлял 0,66. В Бразилии в 1998 г. соответствующий показатель был равен 0,60 (Paes de Barros et al. 2000). Южная Африка после апартеида и еще несколько небольших стран – Центрально-Африканская Республика, Гватемала, Панама и Парагвай – имели такой же уровень распределения, т.е. неравенство внутри было таким же, как и в масштабе всего мира (World Bank 2000a, table 5; Inter-American Development Bank 1998, p.16).

¹⁵ Индекс Тейла (Theil index) – показатель измерения неравенства, основанный на измерении общей энтропии (Прим.переводчика).

Существует, конечно, много линий взаимодействия между глобальными потоками, с одной стороны, и национальными политическими, экономическими и социокультурными процессами, – с другой. Достаточно хотя бы упомянуть некоторые из них.

Глобальные потоки могут взаимодействовать и влиять на:

- функционирование национальной экономики и ее распределительные механизмы;
- возможность государства действовать против неравенства или наоборот;
- стремления и возможности национальных акторов.

Потенциально очень сильное влияние на способность национальных институтов перераспределять доходы населения могут оказывать механизмы глобального распределения. Хотя пока это лишь серьезная возможность, в современных дебатах есть тенденция без достаточных оснований считать ее уже свершившимся фактом.

Что касается тех стран, которые серьезно озабочены проблемой перераспределения доходов (к ним, после крушения восточно-европейского коммунизма, относятся теперь в основном «государства всеобщего благосостояния» Западной Европы), то здесь есть достаточно причин для того, чтобы упорно *не* замечать, как с уменьшается эта возможность в целом в результате эффекта экономической открытости. Одна из них состоит в том, что существует весьма наглядная положительная корреляция между, с одной стороны, экономической открытостью мировому рынку и, с другой стороны, долей ВВП, выделяемой на общие расходы правительства на социальную сферу. Первая тенденция была характерна для всего мира в целом в 1980-е гг., а вторая – для стран ОЭСР в 1990-е (ILO, 1997, pp.78-79; Therborn, 2000c). В прежнем составе стран ОЭСР в 1990-97 гг. уровень корреляции доли экспорта в объеме ВВП с размером социальных трансфертов составлял 0,26, а уровень трансфертов имел негативную корреляцию с неравенством (коэффициентом Джини), равную –0,34 (Luxemburg Income Study data on disposable income). По крайней мере, для стран ОЭСР позитивным оказалось постепенное развитие, начавшееся с удачного сочетания некоторого эгалитаризма во внутренней политике с определенным вкладом международной торговли, поскольку успех последней обеспечил более высокий уровень взаимовыгодных классовых компромиссов: обеспечения рабочими определенного уровня производительности труда и принятие работодателями налогообложения и необходимости платить высокие зарплаты.

Другая причина того, что не следует сбрасывать национальное государство со счетов без достаточно серьезных оснований – это тот факт, что еще до последней волны глобализации в странах ОЭСР наблюдался экономический рост, измеряемый также и в доле расходов на общественные нужды.

Как бы ни производить измерения – в общественных расходах или общественных доходах, очевидно, что публичный сектор в богатейших странах мира сейчас находится на пике (или на устойчиво высоком уровне) своего развития. Для входящих в ОЭСР стран Западной Европы, Северной Америки, Японии и Океании средний национальный уровень правительственных затрат на социальные нужды составлял в 1960 г. 25% ВВП. К концу прошлого столетия, к 1999-ому году, общественные расходы выросли до уровня 47%. Для стран большой семерки общественные расходы выросли с 28% их совокупного ВВП до 37%. Правда, в обоих случаях доля этих расходов была на пару процентов выше в период экономического спада в начале 1990-х, чем бума конца этого десятилетия, но это в основном произошло из-за конъюнктурных колебаний. Если говорить о правительственных денежных поступлениях, последнее десятилетие XX века было самым доходным за всю историю. Для стран ОЭСР в целом это означает, что 37% ВВП расходуется на общественные нужды, для Европейского Союза – 44-45% (OECD, 1999, tables 6.5 and 6.6; OECD, 2000, Annex table 28).

И в ОЭСР в целом, и в 15 странах, входящих в ЕС, за последние четыре десятилетия XX века государственный сектор развивался быстрее, чем зарубежная торговля – и это соотношение часто забывается в разговорах о глобализации. Более стремительный рост зависимости от внешней торговли в 1990-е годы еще не преодолел сложившиеся высокие показатели развития государственного сектора, которое происходило в странах ОЭСР, равно

как и ЕС с 1960 или 1974 гг. Япония же на самом деле более зависела от экспорта в период с 1960 по 1973 г., чем в 1990-е годы.

Таблица 7. Развитие государственного сектора и зарубежной торговли в 1960-1998 гг.

Общие расходы правительства на социальные нужды и объем экспорта в долях ВВП. Прирост за 1960-1999 гг. Проценты считаются от 1960 г.

	Расходы на госсектор		Экспорт	
	ОЭСР	15 стран ЕС	ОЭСР	15 стран ЕС
1974	6.5	8.4	4.7	6.6
1987	12.9	16.7	4.7	7.2
1999	13.1	18.5	10.6	14.0

Источники: OECD (1999, tables 6.5. and 6.12); OECD(2000).

Исторически сложилось так, что страны, в настоящее время принадлежащие к наиболее развитой части мира, обладают наилучшими источниками финансирования, административной компетентности и политической экспертизы¹⁶. Известно, что проявляющаяся в последнее время неустойчивость глобальных финансовых рынков означает общее усиление экономической непредсказуемости и неопределенности как для частных инвесторов, так и для государств. В то же время, как показал азиатский финансовый кризис 1997-98 гг. и другие недавние кризисы, общество сейчас способно справляться с частными кризисами гораздо лучше, чем в 1929-31 гг.

На то, какую важную роль в распределении материальных благ играют национальная политика, институты и национальные нормативы распределения, недавно весьма убедительно указал британский специалист Энтони Аткинсон (Anthony Atkinson, 1999a, 1999b). Наиболее красноречив его аргумент о двух противоположных траекториях чистого дохода домохозяйств в США и Канаде за 20 лет, с 1977 по 1998 гг. В то время как в США в течение 1980-х гг., особенно их первой половины, неравенство в распределении нарастало, а в течение 1990-х оставалось высоким, но неизменным, их канадские соседи стабильно придерживались значительно более равного распределения лишь с незначительными колебаниями и тенденцией к их снижению (в сторону большего равенства) в 1980-е гг. (Atkinson, 1999a, p.4).

Однако если мы посмотрим на слабые, плохо интегрированные в мировые переплетения страны Третьего мира и пост-коммунистической Европы, то картина, конечно, будет иной. Транснациональные кризисы и навязанная политика «реструктуризации» в смысле распределения благ имела для них ярко выраженный негативный эффект. При этом есть свидетельства, что к таким последствиям приводят не столько кризисы, сколько внешняя зависимость. Причем вступление в отношения с МВФ и реализация его антикризисной политики, скорее, ведет к еще большему неравенству, чем к собственно привлечению глобальных потоков торговли и капитала (см. выше раздел 3.3). С другой стороны, выживание коммунистической Кубы, специфика Иранской революции и успешное автономное сопротивление Малайзии недавнему кризису в Юго-Восточной Азии – все это примеры продолжающейся устойчивости относительно бедных и, к тому же, национальных режимов.

¹⁶ Адриан Вуд (Adrian Wood, 1994, pp.314ff) для своей модели воздействия импорта промышленных товаров с Юга на рост безработицы на Севере между 1969-73 гг. и 1986-90 гг. получил достаточно высокое соответствие ($R^2 = 0.60$) между безработицей и увеличением такого импорта, которое может быть компенсировано либо за счет высокой гибкости зарплат, либо за счет сильной трудовой политики.

На глобальное экономическое распределение также значительно влияет национальный и региональный рост населения. С 1991 по 1999 гг. африканский ВВП на душу населения (измеряемый в покупательской способности) упал на шесть процентов. Если бы весь континент следовал южно-африканской демографической траектории, придерживаясь при этом своих невысоких темпов экономического развития, доход на душу населения вырос бы на два процента. А если, при африканских темпах экономического роста, осуществлялась бы китайская политика по контролю над рождаемостью, доходы на душу населения выросли бы на девять процентов (расчеты взяты из UN, 2000a, table A1).

Заключение

Формы неравенства множественны, как и формы глобализации и глобальные процессы. Они также имеют различные траектории. До недавнего времени, пока не разразилась эпидемия СПИДа в Африке и не проявились последствия посткоммунистической травмы Восточной Европы, в течение второй половины XX в. элементарные человеческие возможности выживания были значительно выровнены. Глобальное демографическое неравенство, или неравенство шансов на жизнь, уменьшилось.

Экзистенциальное неравенство в мире в целом увеличивалось на протяжении XIX – начала XX вв. по мере развития европейского империализма и колониализма, а также атлантического социал-дарвинизма, хотя работорговля была уже прекращена, а вскоре было отменено и рабство. Опыт победы над нацизмом дал затем во второй половине XX в. толчок продвижению экзистенциального равенства. Важной поддержкой этой тенденции стало решение Верховного суда США (в 1954 г.)^{*}, деколонизация и создание постколониальной Организации Объединенных Наций.

С другой стороны, экономическое неравенство, измеряемое в международном ВВП на душу населения, на протяжении последних 200 лет неуклонно увеличивалось. При этом, если измерять в покупательской способности населения, то международный процесс экономического расслоения в последней трети XX века приостановился, сменив направление на несколько более эгалитарное. Если сравнивать между собой разные страны, то первая волна выравнивания развернулась в североатлантическом регионе со времени Великой депрессии и примерно до 1950 г., а затем пришла вторая, с 1960-х гг. до 1975-80 гг., которую уже сменила тенденция к большему неравенству, но не к универсальному, а различному для разных стран.

Неравенства в современном мире продуцируются многообразными процессами. Мы выделили четыре базовых механизма неравенства: *дистанцирование*, *исключение*, *господство/подчинение* и *эксплуатация*. Мы попытались аналитически развести глобальные и суб-глобальные, или национальные, силы, выделив затем влияние глобальной истории, интенсивность глобальных потоков товаров и услуг, капитала, человеческих ресурсов, информации и идей, как факторов, способствующих равенству или неравенству. Затем мы описали национальные механизмы установления равенства и неравенства и их взаимодействие с глобальными потоками, и, наконец, глобальные переплетения национальных и глобальных институтов и организаций.

Из всего этого комплекса объяснений можно пока сделать лишь предварительные заключения. Причинно-следственная модель здесь может носить лишь описательный (verbal) характер – обычная ситуация, которая отягощает жизнь всех исследователей сложных социальных проблем, таких как историки и социологи. Со всеми вышеуказанными оговорками, мы можем утверждать, что наиболее важными источниками современного неравенства являются *глобальная история и текущие национальные процессы*. Неравенства в мире продуцируются как на национальном, так и на глобальном уровне. Современные глобальные потоки, только один или два из которых находятся в фокусе внимания основного

^{*} В мае 1954 г Верховный суд США принял знаменательное решение по делу «Браун против Совета по образованию», согласно которому существование отдельных государственных школ для белых и цветных было объявлено противоречащим Конституции. – *Прим. ред.*

дискурса глобализации, кажутся явно вторичными по сравнению с обстоятельствами исторической формации и национальными институтами и процессами, даже учитывая тот факт, что в принятой сегодня аргументации поток информации и идей явно остается недооцененным.

Бросается в глаза, что в ряде национальных обществ, даже таких маленьких, как Гватемала или Панама, а тем более, больших, как Бразилия, содержится столько же неравенства, сколько и в целом мире. Верно также и то, что гражданство в богатых и бедных странах, или, другими словами, неравенство между странами, объясняет большую долю глобального неравенства.

Нет сомнений в том, что Западная Европа эксплуатировала Америку, Африку и Азию, начиная с XVI века. Но на вопрос о том, насколько этот исторический факт определяет существующие ныне в мире неравенства, до сих пор нет ясного и непротиворечивого ответа. Однако об одном унаследованном явлении можно говорить с уверенностью: империалистическая эксплуатация впоследствии запустила пост-имперские, национальные механизмы образования неравенства. Хищническое ограбление оставило свой неизгладимый отпечаток, хотя распределение хищников и жертв несколько изменилось.

Воздействие транстерриториальных потоков может осуществляться как в направлении асимметричного исключения, так и инклюзии. Наиболее развитая теория, описывающая такие потоки, а именно теория международной торговли, отходит сейчас от инклюзивной экстраполяции опыта Скандинавии XIX века, выраженной в так называемой теореме Хекшера-Улина (Heckscher-Ohlin Theorem)*, и находится в состоянии агностической неопределенности, в то время как географические теории торговли предлагают формальные модели, говорящие, скорее, о динамике исключения. Исторически транснациональная миграция была важным фактором эгалитарной инклюзии. Но насколько снизился в наше время общий объем миграции по сравнению с прошлым столетием, и насколько выросла в нем доля миграции высококвалифицированных специалистов, пока доподлинно неизвестно.

Поток информации и различного рода идей имеет инклюзивные, наделяющие ресурсами последствия. Косвенным образом воздействуя на жизненные стремления акторов, они делают их более равными, подрывая локальные и традиционные различия и привычное самопренебрежение. Более прямое воздействие имеет распространение в мировых масштабах медицинских и гигиенических знаний (начавшееся около 1900 г. и резко возросшее после 1945), очень сильно повлиявшее на существенное уменьшение демографического неравенства в мире. «Зеленая революция», принеся с собой новые сельскохозяйственные знания, также сыграла очень большую роль в уменьшении бедности сельских районов Южной и Юго-Восточной Азии. Однако этому информационному потоку сейчас угрожает патентное законодательство.

При этом идеи могут быть различного рода, и с большой долей достоверности, на основании эмпирических свидетельств (Copia, 2000), можно утверждать, что неолиберальный «Вашингтонский Консенсус» значительно повлиял на рост мирового неравенства в последней четверти прошлого столетия – как посредством общего идеологического воздействия, так и с помощью прямых усилий МВФ и Мирового банка, вступивших в тесные отношения со слабыми национальными государствами.

Но приведенный выше анализ также показал значительную устойчивость национальных государств даже под воздействием сильного международного давления. Независимый и явно более эгалитарный (по сравнению с ее могущественным южным соседом) путь Канады при всё более усиливающемся влиянии Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) является убедительным тому примером. Финляндия, сумевшая в 1990-е гг. создать одну из самых эгалитарных систем распределения доходов в мире, несмотря на глубокую депрессию и измеряемую двузначной цифрой

* Теорема Хекшера-Улина (в более распространенном в России написании – Олина) устанавливает, что в международной торговле страны экспортируют те товары, в производстве которых в основном используется избыточный фактор (*прим. ред.*).

величину безработицы – другой пример (Atkinson, 1999b, p.20). Финский опыт не преуменьшает тот факт, что страна в том же десятилетии стала ведущим мировым производителем мобильных телефонов марки Ноккиа, хотя после этого неравенство немного и возросло.

XX столетие исторически было столетием национальных государств. Они формировались на протяжении XIX века, начали свое существование с краха династических империй в ходе Первой мировой войны, распространились по всему миру в результате стремительного процесса деколонизации после Второй мировой войны и затем были подпитаны крахом коммунистического интернационализма, усилены подъемом государств всеобщего благосостояния, развившихся преимущественно в Западной Европе, но в определенной степени состоявшихся во всей богатой части мира. Нынешняя, продолжающаяся и сегодня, волна глобализации еще не покончила с эрой национальных государств, несмотря на многочисленные утверждения об этом – как ностальгические, так и триумфальные. Возможно, в новом столетии национальные государства и сократят свои полномочия, но пока этого не случилось, нигде кроме посткоммунистической Восточной Европы. Страны – объекты интервенций МВФ в Третьем мире в современную эпоху всегда были слабыми, бедными и внешне зависимыми.

Неравенство – серьезное явление, и относиться к нему серьезно значит не упрощать его. Неравенство стало глобальной темой, и его научный анализ предполагает понимание всей сложности глобального мира – мира, сформировавшего исторически, и продолжающего формироваться на наших глазах.

Перевод с английского И.Н. Тартаковской

Библиография

- Allman, J.* 1978 'The Demographic Transition in the Middle East and North Africa', in idem (ed.), *Women's Status and Fertility in the Muslim World*, New York, Praeger
- Atkinson, A.* 1999a 'The Distribution of Income in the UK and OECD Countries in Twentieth Century' *Oxford Review of Economic Policy* 15:4
- Atkinson, A.* 1999b 'Is Rising Inequality Inevitable? A Critique of the Transatlantic Consensus', *WIDER Annual Lectures* 3, Helsinki, UN University
- Binational Study on Migration 1998* Migration between Mexico & the United States Washington D.C.
- Bourdieu, P.* 1979 *La Distinction*, Paris, Minuit
- Bourguignon, F., and Morrisson, C.* 1992 *Adjustment and Equity in Developing Countries. A New Approach*, Paris, OECD
- Castles, S., and Miller, M.* 1998 *The Age of Migration*, Basingstoke, Macmillan, 2nd ed.
- Castles, S.* 2000 'Migration as a Factor in Social Transformation in East Asia', paper for Conference on Migration and Development at Princeton University 4-6 May
- CEPAL (UN Economic Commission for Latin America/ECLAC) 1998 *Panorama social*, Santiago de Chile, CEPAL
- Chesnais, J.-C.* 1992 *The Demographic Transition*, Oxford, Clarendon Press
- Coale, A., and Lorimer, F.* 1968 'Summary of Estimates of Fertility and Mortality', In W. Brass et al., *The Demography of Tropical Africa*, Princeton, Princeton University Press
- Cornia, G.A.* 1999 'Liberalization, Globalization, and Income Distribution', *WIDER Working Papers* 15, Helsinki, UN University
- Cornia, G.A.* 2001 'Trends in Income Distribution in the Post War Period: Evidence

- and Interpretation', UNU/WIDER Helsinki
- Cornia, G.A., and Panicciá* (eds.), 2000 *The Mortality Crisis in Transitional Economies*, Oxford, OUP
- Dollar, D., and Kraay, A.* 2000 'Trade, Growth, and Poverty', paper presented at the Conference on Poverty and the International Economy, In Stockholm October 20-21
- ECLAC (CEPAL) 1997 *Social Panorama of Latin America*, Santiago de Chile, ECLAC
- Easterly, W.* 2001 'The Effect of IMF and World Bank programs on poverty', UNU/WIDER Helsinki
- Fischer, C. et al.* 1996 *Inequality by Design. Cracking the Bell Curve Myth*, Princeton, Princeton University Press
- Gustafsson, B., and Johansson, M.* 1999 'In Search of Smoking Guns: What Makes Income Inequality Vary Over Time in Different Countries?', *American Sociological Review* 64:585-605
- Hobsbawm, E.* 1987 *The Age of Empire*, London, Weidenfeld & Nicolson
- ILO 1997 *World Labour Report 1997-98*, Geneva, ILO
- ILO 1999 *Yearbook of Labour Statistics*, Geneva, ILO
- Inter-American Development Bank 1998 *Facing Up to Inequality in Latin America*, Baltimore, Johns Hopkins University Press
- International Office of Migration 2000 *World Migration Report 2000*, Geneva
- IMF 2000 *World Economic Outlook May 2000*, Washington D.C., IMF
- Jones, R.* 2000 'Globalization and the Distribution of Income: The Economic Arguments', Paper for the Workshop on Global Processes of Inequality, Stockholm October 26-29, 2000
- Kanbur, R.* 2000 'Income Distribution and Development' in A. Atkinson and F. Bourguignon (eds.), *Handbook of Income Distribution vol 1*, Amsterdam, Elsevier
- Korzeniewicz, R.P., and Moran, T.P.,* 1997 'World-Economic Trends in the Distribution of Income, 1965-1992', *American Journal of Sociology* 104: 1000-1039
- Kritz, M. et al.* 1992 (eds.) *International Migration Systems: A Global Approach*, Oxford, Clarendon Press
- Krugman, P.* 1993 *Geography and Trade*, Leuven and Cambridge Mass., Leuven University Press and MIT Press
- Krugman, P. and Venables, A.* 1995 'Globalization and the Inequality of Nations', *The Quarterly Journal of Economics* CX:4
- Londoño, J.L. and Székely, M.* 1997 'Persistent Poverty and Excess Inequality: Latin America, 1975-1995', Washington D.C., Inter-American Development Bank Working Paper 357
- Luxemburg Income Study <http://www.lis.ceps.lu>
- Maddison, A.* 1992 *Monitoring the World Economy 1820-1992*, Paris, OECD
- McKee, M.* 2001 'The health consequences of the collapse of the Soviet Union', in D. Leon and G. Wat (eds.), *Poverty Inequality and Health*, Oxford, OUP
- Mari Bhat, P.N.* 1989 'Mortality and Fertility in India, 1881-1961: a Reassessment', In T. Dyson (ed.), *India's Historical Demography*, London, Curzon
- Melchior, A. et al.* 2000 *Globalisering og ulikhet*, Oslo, Utrikesdepartementet
- Meyer, J.* 2000 'Globalization: Sources and Effects on National Societies and States', *International Sociology* 15:233-48
- Meyer, J. et al.* 1992 'World Expansion of Mass Education, 1870-1980', *Sociology of Education* 65:128-49
- Milanovic, B.* 1999 'True world income distribution, 1988 and 1993: First

- calculations based on household surveys alone', Washington D.C,
The World Bank
- Miller, D.* 1999 'Justice and Global Inequality', in A. Hurrell and N. Woods (eds.),
Inequality, Globalization, and World Politics, Oxford, OUP
- Nussbaum. M.* 2000 Women and Human Development. Cambridge, CUP
- O'Rourke, K. and Williamson, J.* 1999 Globalization and History, Cambridge
Mass., MIT Press
- OECD 1997 Employment Outlook , Paris, OECD
- OECD 1999 Historical Statistics 1960-1998, Paris, OECD
- OECD 2000 OECD Economic Outlook June 2000, Paris, OECD
- Nobel e-Museum <http://www.nobel.se/>
- Paes de Barros, R. et al.* 2000 'Inequality and Poverty in Brazil', paper presented
To the Conference on Global Processes of Inequality in Stockholm,
October 26-29
- Patterson, O.* 1998 Rituals of Blood, Washington D.C., Civitas
- Przeworski, A., and Vreeland, J.* 2000 'The Effect of IMF Programs on Economic
Growth', Journal of Development Economics 62:385-421
- Rao, Bhanoji V.V.* 1999 'East Asian Economies. Trends in Poverty and Income
Inequality', Economic and Political Weekly May 1
- Rawls J.* 1993 'The Law of Peoples', in S. Shute and S. Hurley (eds.), On Human
Rights: the Oxford Amnesty Lectures 1993, New York, OUP
- Rodríguez, F., and Rodrik, D.* 2000 'Trade Policy and Economic Growth: A
Skeptic's Guide to the Cross-National Evidence', Dept of Economics,
University of Maryland, Kennedy School of Government, Harvard
University
- Rodrik, D.* 2000 'Comments on "Trade, Growth, and Poverty" by D. Dollar and A. Kraay',
paper presented at the Conference on Poverty and the International Economy, in
Stockholm October 20-21
- Sen, A.* 1992 Inequality Re-examined, Cambridge Mass., Harvard University Press
- Sen. A.* 2000 'Social Justice and the Distribution of Income', in A. Atkinson and F.
Bourguignon (eds.), Handbook of Income Distribution vol 1,
Amsterdam, Elsevier
- Stewart, F., and Berry, A.* 1999 'Globalization, Liberalization, and Inequality:
Expectations and Experience', in A. Hurrell and N. Woods (eds.),
Inequality, Globalization, and World Politics, Oxford, OUP
- Therborn, G.* 1995 European Modernity and Beyond. The Trajectory of European
Societies, 1945-2000, London, Sage
- Therborn, G.* 1999 'The Atlantic Diagonal in the Labyrinths of Modernities and
Globalizations', in G. Therborn (ed.), Globalizations and Modernities
Stockholm, FRN
- Therborn, G.* 2000a 'Globalizations. Dimensions, Historical Waves, Regional
Effects, Normative Governance', International Sociology 15:151-79
- Therborn, G.* 2000b 'Global Processes of Inequality', Paper presented at a Conference
On Global Processes of Inequality, Stockholm October 26-29
- Tilly, C.* 1998 Durable Inequality, Berkeley, University of California Press
- UN 2000a The State of the World Population, 2000, internet edition.
- UN 2000b World Economic and Social Survey 2000, New York, United Nations
- UNCTAD 1999 World Investment Report 1999 , Geneva
- UNCTAD 2000 World Investment Report 2000, Geneva
- UNDP 1999 Human Development Report, Geneva, UN
- UNICEF 1994 Crisis in Mortality, Health and Nutrition , Firenze, Unicef Economies
in Transition Studies

- Wade, R.* 2000 'Developing Countries' Autonomy in the Choice of Market Institutions', Paper presented at a Conference on What can states do now?, University of Pennsylvania, May 4-6.
- Wade, R.* 2001 'Global Inequality Winners and Losers', *The Economist* April 28: 79-82
- Wallerstein, I.* 1974- The Modern World System, New York, Academic Press, 3 vols. so far
- Walzer, M.* 1983 Spheres of Justice, New York, Basic Books
- Wood, A.* 1994 North-South Trade, Employment and Inequality, Oxford, Clarendon Press
- Wood, A.* 1997 'Openness and Wage Inequality in Developing Countries: The Latin American Challenge to East Asian Conventional Wisdom'
World Bank Economic Review 11:33-57
- World Bank 1978 World Development Report 1978, New York, OUP
- World Bank 1990 World Development Report 1990, New York, OUP
- World Bank 1994 Averting the Old Age Crisis, New York, OUP
- World Bank 1998 Knowledge for Development, New York, OUP
- World Bank 1999 Global Economic Prospects, internet ed.
- World Bank 2000a, World Development Report 2000/2001, New York, OUP
- World Bank 2000b World Development Indicators, Washington D.C.
- World Trade Organization 2000 Annual Report 2000, Geneva